ДИАНА
СОУЛ
ДИЗАЙНЕР
смерти
ИДДК

Диана Соул
Дизайнер смерти

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Вот уже на протяжении двадцати пяти лет император Ронан каждый месяц меняет жен, но ни одна из них не смогла дать ему то, что он хочет – наследника.

Эсмеральда, как и многие до нее, не желала становиться супругой кровавого узурпатора, но отказать ему невозможно.

Все о чем ей остается молить, это не забеременеть от тирана и о легкой смерти через месяц. Но у жизни свои планы, а у Смерти тем более.

Содержание

Часть первая 4
Глава 1 4
Глава 2 26
Глава 3 37
Глава 4 59
Глава 5 85
Глава 6 98
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Диана Соул
Дизайнер смерти

Часть первая

Глава 1

– Мое тело – это твое тело. – Слова вырываются ровно и даже равнодушно, потому что мне все равно.

– Твое тело – это мое тело. – Мой жених стоит напротив, ухмыляется и самодовольно повторяет слова брачной клятвы. Наверное, в сотый, а может, трехсотый раз.

Сколько у него уже было до меня жен, срок жизни которых исчислялся месяцем, а иногда и меньше?

– Моя жизнь принадлежит тебе, – заученно произношу я.

– Твоя жизнь принадлежит мне.

Я ненавижу его, так же как и многие жители подвластных ему планет. Императора невозможно любить после того, что он сделал и того, что продолжает делать. Подонок, тиран, братоубийца, детоубийца… Ронан Альтазар из дома Жизни.

Это даже звучит смешно, потому что кровь на его руках не смыть ничем и никогда, даже покаявшись в храме Пирамид и после этого искупив грехи самоубийством. Хотя он не

собирается этого делать – его и так все устраивает.

– Мое право на смерть отныне твое.

– …отныне мое, – произносит Ронан и поворачивает голову к высокому жрецу с выколотыми глазами.

Тот возводит руки к сводам храма и громко произносит, чтобы эхо разнесло его голос, и каждый, присутствующий на бракосочетании, услышал:

– Пока Дизайнер Смерти не разлучит вас.

* * *

Я знаю, что будет дальше.

Меня и Ронана торжественно проведут к двум тронам – его высокому, моему чуть ниже.

Левитирующая платформа поднимет нас на уровень нескольких метров и понесет по улицам Гризальда.

По сценарию нас должны чествовать радостные толпы народа, но кроме потворствующей свиты, движущейся за нами, и стражи, почти никого нет. Горожанам уже давно наскучили ежемесячные представления со свадьбой императора. Говорят, еще десять лет назад их выгоняли на улицы насильно, но теперь даже это стало лишним.

Все происходящее – всего лишь фарс ради соблюдения обряда, который ни в коем случае нельзя нарушать, иначе молодая жена никогда не понесет наследника от своего мужа. И пожалуй, мысль об этом – единственное, что может

подарить мне подобие улыбки.

Я молюсь, чтобы сегодня и весь последующий месяц беременность не случилась, и тогда Ронан убьет меня, променяв на следующую невесту. В моем случае смерть – это свобода.

Поговаривают, что император бесплоден, если за двадцать пять лет так и не сумел зачать наследника ни с одной из девушек, но я знаю другую правду, которая, впрочем, и не секрет вовсе.

Четверть века назад, когда он устроил кровавый переворот и убил своего родного брата – законного императора Урсуна, заняв его место, – он убил не просто очередного правителя, а последнего Дизайнера Жизни – единственного, способного указать Ронану на девушку, способную стать матерью его наследника. Таков был дар истинных Дизайнеров жизни, но Ронан был молод и надеялся, что после смерти брата дар перейдет к нему, обойдя на то время четырехлетнего мальчишку – сына Урсуна. Чуда не случилось, и когда ребенок получил дар, рассвирепевший Ронан убил и его.

Дар Дизайнера Жизни исчез. Совсем.

Ронан оказался властителем без возможности передать престол, и тогда узурпатор начал поиски той самой, кто смогла бы подарить ему сына или дочь. Он пробовал брать в жены разных девушек: и богатых, и бедных. Блондинок, брюнеток. Худеньких или полненьких, но ничего не имело значения…

– Твои родители желали видеть тебя императрицей, – неожиданно произнес он, и я вздрогнула.

До этого мы почти не разговаривали, да и какой был смысл, если я для него никто, лишь очередная вещь, которую он вскоре выбросит трупом для кремации.

– Вы не можете знать, что желали мои родители, – все же выдавила ответ я.

Дело в том, что своих родителей я никогда не видела, потому что выросла на Затурии, куда вместе с нянькой попала сразу после рождения. Это была тихая аграрная планетка, на которую редко залетали даже транспортные корабли, разве что за очередным грузом продовольствия.

В двенадцать мне рассказали, почему я оказалась без родителей – их убил мой нынешний муж во время переворота. Меня же успели вывезти с планеты, причем последним приказом старого императора. Дизайнер Жизни увидел во мне будущую жену для своего сына. Но вот одна беда – ни Урсун, ни его ребенок не выжили.

– Желали, – уверенно усмехнулся Ронан, и меня передернуло от того, как уродливо в узоре морщин изогнулся шрам под его правым глазом. – Иначе не прятали бы, как сокровище, надеясь, что мелкий ублюдок выживет.

Я отвернулась.

– Мне все равно, – холодно ответила, ведь неважно, что я отвечу. На мою судьбу ничего уже не повлияет.

– А мне нет. – Несмотря на то что нас все еще везли по улице, он без стеснения положил свою руку мне на затылок и притянул к себе, заставляя перегнуться через подлокотники

кресел.

Его губы впились в мои, а я могла только терпеть, пока он мучает их в подобии поцелуя.

– Сладкая, – бросил он, тут же отталкивая меня обратно, словно фрукт, который надкусил, прожевал и отложил в сторону – потом доест.

– Если Урсун считал, что ты достойна его сына, значит, и мне сгодишься. Кто знает, может, твое лоно не окажется пустым, как у остальных.

После его слов меня начало трясти от нехорошего предчувствия. Потому что озвученное им было моим самым страшным кошмаром. Становиться носителем его наследника я не хотела…

Если с тем, что будет происходить со мной весь следующий месяц, я смирилась и была готова, то к роли матери для ребенка узурпатора – никогда.

– Тебя только потому и отыскали на краю вселенной, – добавил император. – Чтобы ты понесла от меня.

– Буду молиться, чтобы у вас ничего не вышло, – прошипела я. – Лучше смерть.

* * *

Дворец – это огромная пирамида, на вершине которой расположены его покои.

Когда мы добрались сюда, свита разделилась на три части.

Первая отправилась пировать с мужем, отмечать его очередную жену. Вторая из стражников – усиливать охрану дворца, потому что даже до Затурии доходили слухи о мятежниках, которые уже не единожды пытались штурмом взять пирамиду.

А третья, самая малочисленная – из десяти женщин – отправилась со мной.

Готовить молодую императрицу к первой брачной ночи.

Восемь служанок и две женщины, лет на десять старше меня, в дорогих нарядах и со взглядами змей. Я не знала их имен, но успела понять по разговорам, что одна из них жена главного советника, а вторая – начальника стражи. Обе родные сестры.

Думаю, они рады, что так удачно вышли замуж и оказались приближенными к самому императору. Сегодняшней ночью у них будет важная роль, от которой меня до сих пор тошнит и становится не по себе. Потому что с тем, что я овца на жертвеннике, смириться сложно, но с еще одной частью гнусного обряда – еще сложнее.

Пока служанки меня моют, переодевают, красят и всячески наводят лоск перед будущей ночью, эти двое просто смотрят. Наблюдают за каждым шагом моим или прислуги. Едва ли не между ног мне заглядывая, проверяя, все ли там идеально и достойно их драгоценного правителя.

Наконец я не выдержала:

– Зачем все это? – спросила, смотря в глаза той, что по-

выше. – Это унизительно.

– Молчи, – тут же отсекла она и напомнила. – Твое тело – его тело.

Можно подумать, я не помню. Слова брачной клятвы до сих пор звенят в ушах.

И мне приходится замолчать ровно до того момента, пока в комнату не приносят еду. Много еды, не меньше десятка подносов на выкатном столе, и только тогда надсмотрщицы отвлекаются.

– Еда проверена? – придирчиво оглядывая яства, спрашивает у прислужника младшая из сестер.

– Да, госпожа Кимат, – отвечает он, а я наконец узнаю, как зовут жену начальника стражи. – Дизайнер Смерти лично проверял отсутствие яда.

– Превосходно, – кивает она, отсылая слугу.

Пока сестры гремят посудой, служанка, что плетет мои волосы, тихонечко шепчет мне на ухо:

– Одна из ваших предшественниц отравилась насмерть. С тех пор всю еду жен императора проверяют на яд.

– Счастливица, – одними губами произношу я, глядя на женщину через отражение в зеркале.

Ей лет сорок, с бледным лицом и натруженными руками. По всей видимости, она работает во дворце довольно давно, если знает такие подробности. На мгновение я даже порадовалась, что не все вокруг меня враги.

– И вы будете счастливицей, госпожа Эсмиральда, – тут

же портит впечатление женщина. – Когда родите императору наследника.

Мое лицо вновь каменеет, и даже в зеркале я вижу словно не себя, а фарфоровую куклу с белоснежным лицом, пустыми голубыми глазами и контрастно черными волосами, словно вороново крыло. Хотя вру, несколько прядей поседели за сегодняшнюю ночь… а ведь мне всего двадцать пять.

Что ж, это было действительно наивно с моей стороны – рассчитывать, будто вокруг найдется хоть кто-то из искренне сочувствующих.

А ведь я бы с удовольствием умерла прямо сегодня, выбросившись из окна, но там решетки. Отравилась бы, но всю еду проверяют. Зарезалась – но никто не даст мне настоящего ножа, только тупые пластиковые заменители.

До меня было слишком много «императриц», которые нашли возможность покончить жизнь самоубийством и не оставили мне шанса на добровольную смерть.

Когда последние волоски заправлены в идеальную прическу, сестры-надсмотрщицы придирчиво оглядывают мой внешний вид, а после прогоняют всех лишних из спальни.

– Ты можешь идти на кровать, – кивает Кимат и обращается к своей сестре:

– Нинат, разожги свечи и подкати еду ближе. Император бывает голоден после секса.

Странное онемение во всех конечностях наконец накры-

вает меня с головой. Только сейчас я понимаю, насколько мне страшно, и что вот-вот произойдет, что-то жуткое и мерзкое…

– Чего встала? – Вместо свечей Нинат хватает меня за локоть, довольно грубо подтаскивает к огромной постели и чуть ли не бросает на нее. – Особое приглашение нужно?

Я шиплю и пытаюсь отбиться, потому что держит она крепко и синяки мне обеспечены. И если еще десять минут назад я была уверена, что эти двое мне ничего не сделают, так как должны просто наблюдать за тем, что будет происходить в этой комнате, и потом во всеуслышание огласить подданным, что консуммация состоялась, невеста была чиста и невинна, то теперь сомневаюсь.

Потому что в комнату входит Ронан.

Пока я отбиваюсь от Нинат, он недовольно смотрит на вторую сестру, а после злобно бросает:

– Почему она еще дергается? Забыли ваши обязанности?

Даже в таком шоковом состоянии, как сейчас, я понимаю, насколько сильно он нетрезв. Короля пошатывает, но это не мешает ему приближаться к постели.

Кимат тоже оббегает кровать и хватает меня за вторую руку, плотно держа ее за моей головой. Вдвоем с сестрой они сжимают так крепко, что я чувствую себя птицей, пойманной в силки, которой сейчас выломают крылья.

И теперь я ничего не понимаю. Я ведь не собиралась сопротивляться, потому что понимала бесполезность. Хотела

просто лежать с закрытыми глазами и терпеть, пока император делал бы свои дела.

Но вместо этого по моим щекам бегут дорожки слез, а я с ненавистью выплевываю вопрос:

– Зачем?

На него отвечает Ронан, параллельно приспуская штаны, а я отворачиваюсь, чтобы не видеть.

– Одна из твоих предшественниц пыталась меня убить. Удивительно цепкая тварь оказалась. Едва не придушила. Так что это подстраховка, сладкая.

– Трус, – давлюсь слезами я, но мое мнение никого не интересует.

Нинат и Кимат лишь сильнее держат меня за руки, вдавливая их в кровать, пока Ронан задирает ночную рубашку наверх, обнажая бедра.

Дальше я просто закрываю глаза и закусываю губу, потому что отчетливо понимаю: ничего не сумею сделать. Абсолютно.

Мне остается только терпеть и молиться, чтобы вялый член пьяного императора не сделал мне ребенка.

Ведь лучше смерть.

* * *

Слезы сохнут быстро, и когда все заканчивается – мои глаза сухие. А вот на губах кровавые ранки и вкус металла.

Ронан встает с меня и как ни в чем не бывало идет к столу с едой. Похоже, его не особо волнует, что будет дальше, потому что аппетит, с которым он приступает к трапезе, поражает.

– Лежать потом будешь. – Нинат наконец перестает сжимать мне запястья и делает довольно грубую попытку меня усадить. Я же чувствую себя мешком, набитым ватой, который валится обратно без опоры.

– Нужно снять простынь, – подгоняет Кимат, и пока я просто лежу, они вдвоем умудряются выдернуть из-под меня постельное белье – свидетельство, что обряд полностью завершен.

Старшая сестра тут же уходит вместе с доказательством консуммации, пока младшая собственноручно пытается застелить новую простынь.

Ненадолго в комнате наступает тишина, разбавляемая только шелестом расправляемого белья и звоном посуды на столе у Ронана. Чтобы быть еще более противным, императору не хватает только начать чавкать, но он этого не делает.

Откуда-то из нижних залов раздаются радостный гул и крики. Это пьяная свита так приветствует очередную победу узурпатора на постельном фронте.

Кимат все же удается согнать меня с кровати, и стоит мне встать, я понимаю, как сильно саднит между ног. Боль неприятная, но что еще более гадко – унизительная.

Я нахожу в себе силы, обхожу столик с едой и становлюсь

ровно напротив мужа.

– И что, так будет каждую ночь? – не скрывая злости, спрашиваю я. – Они будут держать мои руки, чтобы, не дай бог, не придушила тебя?!

Старик поднимает на меня взгляд и кривит губы.

– Тон сбавь. Ты должна называть меня господин, – пригубляя вино, заявляет он. – Я ведь и наказать могу за дерзость.

С моих губ слетает нервный смешок.

– Даже самый страшный ад не продлится дольше месяца. Гос-подин.

– Месяц может пройти по-разному. – Ронан отставляет кубок в сторону и поднимается в полный рост.

И я в очередной раз чувствую себя ничтожеством рядом с ним, потому что даже будучи пьяным и старым, он подавляет своей мощью. Она в надменном взгляде, в развороте плеч и даже в безобразном шраме через все лицо.

– Нинат и Кимат нам больше не понадобятся, – наконец отвечает он на первый вопрос. – Сегодня они были здесь, потому что того требовал обряд. Но уже завтра я покажу, как умею сам справляться со строптивицами.

Он выходит, и вторая надсмотрщица спешит за ним. Когда дверь закрывается, я слышу, как щелкает замок. Даже здесь император проявил трусость, заперев меня, чтобы не сбежала.

Несколько мгновений я осмысливаю ситуацию, а потом

бегу в ванную комнату, где под струями воды долго смываю следы секса и его семени. Если бы было можно, я бы вымыла себя изнутри, чтобы избавиться даже от молекул, которые мог оставить во мне Ронан.

Но жаль, что это так не работает.

Мужчинам из дома Жизни всегда подходили только избранные женщины. Это даже не мистика, это генетическая совместимость на не до конца исследованном уровне. Было что-то в их крови, что не позволяло иметь детей от первой встречной. И только Дизайнер Жизни мог разглядеть ту самую. Причем на поиски порой уходил не один год. Например, своему брату бывший император так и не нашел истинную жену… зато для сына сумел разглядеть в едва появившейся на свет мне.

У таких пар беременность наступала очень быстро. Максимальный срок, задокументированный в истории – три недели.

А у невест Ронана не было возможности даже схитрить и зачать от кого-то другого. После завершения обряда понести было можно только от него. Эдакая гарантия верности – привязка к единственному мужчине.

«Мое тело – это твое тело» – опять вспомнились слова клятвы…

Когда же у Ронана ничего не выходило, он безжалостно избавлялся от жены и брал новую.

Ведь по законам у королевского рода нет разводов, у них

может быть только траур, и то не очень долгий…

* * *

В ту ночь меня больше никто не беспокоил, а я еще долго ворочалась на кровати, пытаясь уснуть, но ничего не выходило. В итоге я перестелила в кресло и там уснула – сидя не в самой удобной позе.

Но долго проспать не удалось, первые же лучи солнца ворвались в окно и почти сразу залили все пространство комнаты. Я не сразу поняла, в чем дело и почему свет режет глаза так сильно, но разгадка пришла быстро. Все дело в форме здания, где я находилась – пирамида, а точнее ее вершина. Лучи здесь падали и рассеивались совершенно иначе, чем я привыкла на Затурии. Ведь дом, где я жила, был с обычными вертикальным стенами, а здесь, на столичной планете, вершиной власти считается жизнь именно в пирамидах.

Мои мысли прервал шум за дверью и щелчки замков. Абсолютно без предупреждения в спальню вошла целая процессия во главе с императором. Чуть поодаль стояли двое незнакомых мужчин: один молодой, полностью в черном, второй – намного старше, в светлом одеянии и с эмблемой доктора на груди. Остальные – безликие стражники и служанки.

– Что происходит? – Глядя на вторжение, я невольно сильнее вжалась в обшивку кресла.

– Осмотр, – скрестив на груди руки, ответил Ронан и кивнул доктору. – Приступай.

Мужчина в светлом без промедления шагнул к кровати и принялся раскладывать на ней содержимое чемоданчика, который принес, а после обратился ко мне:

– Прошу вас, госпожа Эсмиральда, ложитесь.

Я даже не шелохнулась. С расширившимися от ужаса глазами смотрела на мужа, на толпу охраны за его спиной, на второго мужчину в черном, чей взгляд напоминал мне два темных провала в ад, настолько жутко было даже случайно в них заглядывать, и просто терялась.

– Я никуда не пойду, пока все не выйдут, – наконец твердо произнесла я. – Всем этим людям незачем смотреть.

Ладно еще женщины, но столько мужчин. В моей голове было сильно развито понятие о стыде…

– Здесь я решаю, кто останется, а кто нет, – отрезал император. – Если мне захочется, могу даже отыметь прилюдно. Парочка таких уроков, и ты забудешь, что значит стеснение, и станешь выполнять то, что скажу, без пререканий.

– Попросишь стражу меня подержать, чтобы не придушила, гос-подин?! – с вызовом произнесла я.

Крылья носа Ронана раздулись от гнева.

– Попрошу их присоединиться, – прошипел он. – Все равно ни от кого, кроме меня, забеременеть не можешь.

Даже мимолетного взгляда на императора хватило понять, что не шутит. Действительно, отдаст страже, а судя по

ухмылкам на их лицах, уже не единожды так поступал.

Вместо того чтобы совладать с собой и все же дойти добровольно до кровати, я оцепенела. Хотела бы сделать волевой шаг, но просто не могла.

– Мой повелитель, позвольте мне, – раздался ровный голос мужчины в черном. И у меня мурашки по спине пробежали, когда Ронан кивнул.

Что значит «можно мне»? Он же не собирается?..

Незнакомец сделал шаг в моем направлении и уже через мгновение стоял рядом, а после, схватив за плечо так, что я зашипела от боли, сдернул с места. Буквально волоком, не обращая внимания на мои уверения, что пойду сама, он отволок меня к постели и швырнул, слово тряпку, тут же теряя ко мне интерес.

И если вчера я думала, что Нинат и Кимат были со мной грубы, то теперь, когда плечо жгло от его пальцев невыносимой болью, я осознала разницу в сравнении.

Хотелось плакать от обиды и страха, но я засунула эти эмоции глубоко внутрь. Потому что окружающие только упьются моими страданиями, никому тут и дела нет до моих чувств.

Зыркнув на доктора, а после на Ронана с его «цепным псом», так я прозвала садиста в черном, я сквозь зубы произнесла:

– Смотрите что хотите.

Закрыла глаза и попыталась отрешиться – вспоминала ти-

хие денечки на Затурии, как пекли с няней вечерами пироги или читали книги…

Эскулап же проводил осмотр. Довольно бережный. Я даже успела удивиться тому, что после вчерашнего мне почти не больно. Затем надо мной жужжали какие-то приборы, рождая желание открыть глаза и отмахнуться от них, словно от назойливых мух.

– Девушка здорова, император, – наконец подвел итог доктор. – Но сканеры не показали признаков зачатия, даже предварительных. Нужны еще попытки.

Мой облегченный выдох смешался со звуком ломающейся мебели. Резко распахнув глаза, я встретилась взглядом с Ронаном.

Он стоял за креслом, в котором еще недавно сидела я, и сжимал руками спинку так сильно, что она ломалась под его пальцами…

– Мой император, – тут же поспешил успокоить его доктор. – Не нужно так переживать. Еще есть время, целый месяц…

– Знаю, – одернул Ронан, и вид его сделался таким, будто приступать к новым попыткам он готов уже сейчас. – Ты свободен до завтра, Дорнан.

Я же невольно отползла на несколько сантиметров вглубь кровати.

– Мой господин, прошу прощения. – По всей видимости,

доктор хотел сказать еще что-то. – Девушка всю жизнь прожила на Затурии, а сутки там на несколько часов короче, так же как и сила тяжести меньше. Поэтому первое время ей необходимо больше отдыха и сна. Это может благоприятно сказаться на зачатии.

– Думаешь? Ладно, подождем до ночи, – с неохотой согласился Ронан и, неожиданно вспомнив, что со вчерашнего утра я ничего не ела, милостиво распорядился меня покормить и небрежно бросил новый приказ своему «псу»: – Хэдок, проверишь еду, которую ей принесут.

Молодой мужчина кивнул и вновь смерил меня непроницаемым черным взглядом. Жуткое ощущение, будто заглядывают в душу, цепляют ее крюками и пытаются вытащить наружу. Огромных усилий стоило вытерпеть эту пытку и не отвернуться, чтобы не показывать слабость.

Просто после комментария Ронана все становится на свои места.

Цепной пес – не кто иной, как Дизайнер Смерти. Тот самый, что через месяц, возможно, лишит меня жизни.

Возможно, потому что смерть от руки Дизайнера еще заслужить надо.

Из того, что мне удалось разузнать до свадьбы, не многие жены императора удостаивались такой чести, хотя бы просто потому, что долгое время при дворе вообще не было Дизайнера – пока ЭТОТ сам не явился в услужение к подонку Ронану.

Когда император удаляется, оставив в комнате лишь служанок и Хэдока, я наконец встаю с кровати. Меня немного колотит после произошедшего, и одна из женщин, замечая дрожь, набрасывает мне на плечи халат.

Меня отводят к зеркалу, где причесывают и красят, а я в отражении наблюдаю не за тем, как становлюсь подобием фарфоровой куклы, а за Дизайнером.

Его присутствие нервирует, пожалуй, даже больше, чем назойливое мельтешение рук служанок с макияжными кистями перед лицом.

Мужчина кажется неживым, фактически не шевелится с того момента, как Ронан ушел, разве что повернул лицо к окну и, не моргая, смотрит на солнце. Странно, что оно не выжигает ему глаза, но, возможно, дело в способностях.

Старая нянька на Затурии рассказывала, такие, как Хэдок, уже не люди, точнее, были когда-то до того, как к ним перешел дар. Их было невозможно убить и даже просто дотронуться, если сам Дизайнер не позволял это сделать. Любое касание без дозволения – причиняло либо сильную боль, либо смерть.

Видимо, именно поэтому мое плечо до сих пор жгло, даже если учитывать одежду, которая не давала коснуться моей кожи.

У Дизайнеров не бывало любовниц, их вообще не интересовали женщины и большинство человеческих ценностей.

Они не могли иметь детей. Им бы жить в уединении с таким образом мыслей, но слуги Смерти всегда предпочитали быть приближены к Дизайнерам Жизни, ждали от тех указания на младенца, способного перенять проклятый дар, а такие рождались крайне редко. Взамен даруя посильную защиту.

До поры до времени такое сотрудничество было удачным симбиозом. Ровно до государственного переворота, когда императора Урсуна убили.

Няня рассказывала, что прошлый Дизайнер Смерти был одним из немногих, кого Ронан даже не пытался убить, а после и вовсе отпустил восвояси, когда тот заявил, что не желает служить новому императору – ибо он ничего не может дать ему взамен.

И вот пять лет назад ко двору явился этот – «цепной пес». Даже до тихой Затурии добралась радостная весть, что молодой Дизайнер Смерти пришел добровольно служить новому императору. Многие посчитали это благим знамением, значащим, что попытки Ронана обзавестись наследником дадут плоды и Дар Дизайнера Жизни наконец вернется в императорский род.

Ну, а иначе зачем Дизайнеру Смерти добровольно идти в услужение к узурпатору?

Пока я думала об этом, в дверь постучали и в комнату вкатили столик с едой. Не чета вчерашнему императорскому ужину – всего два подноса, но у меня в желудке все равно заурчало.

Хэдок тут же ожил. Скорость его движений поражала, они смазывались, а глаза просто не успевали за его перемещениями. Ненадолго мужчина замер над столиком, коршуном нависая над едой, будто сканируя ее вплоть до атома.

– Не проще ли просто следить за теми, кто готовит, и качеством ингредиентов, – произнесла я, все еще глядя на мужчину через зеркало, – чем совать нос в каждую тарелку?

Ноздри Хэдока хищно раздулись, и он медленно поднял на меня бездонный взгляд.

– Не всегда смерть – это яд, – почти не размыкая губ, ответил он, отчего приобрел сходство с вещающей статуей. – Иногда достаточно подавиться обычной горошиной или неудачно выпить воду.

– О, – не удержалась я от едкости. – Так вы здесь для того, чтобы постучать мне по спинке?

– Я здесь для того, чтобы исключить саму вероятность возникновения событий, которые приведут к трагедии.

– Да неужели?! Тогда почему позволили мне выйти замуж за узурпатора? – иронично удивилась я, при этом буквально кожей ощущая, как напряглись все служанки, запоминая каждое мое слово. Потом наверняка доложат Ронану. Ну и пусть. – Ах да. Вы же Дизайнер Смерти – вам, в принципе, все равно!

На этот раз он не ответил. Просто выпрямился, резко теряя интерес к разговору, хотя вряд ли он даже был.

– Еда безопасна. Приятного аппетита, моя императрица!

Меня аж тряхнуло от этого обращения. Хорошо, хоть не добавил «моя временная императрица» – это было бы ближе к правде.

Глава 2

Я чувствую себя птицей в клетке, потому что за весь день мне ни разу не позволили выйти за пределы спальни.

Да, я прекрасно понимаю – что здесь пленница, но хотелось бы иметь хоть иллюзию свободы.

Ко мне в покои допущены только служанки и разносчик еды. Два охранника у дверей не в счет, они меняются каждые три часа.

Из занятий мне доступны только перерывы на еду и созерцание города в окно. Я пыталась просить у прислужниц книги, но они отказали, сославшись на то, что без дозволения императора мне запрещено иметь несогласованные вещи.

К середине дня я схожу с ума ровно настолько, что буквально рвусь в ванную комнату смывать с себя ненавистный макияж, который стягивает кожу. Я не понимаю, какой смысл сидеть в четырех стенах и выглядеть так, будто мне выходить на приветствие к подданным через минуту.

Но мне не позволяют даже этого. Та же, что и вчера, женщина терпеливо объясняет мне:

– Император может посетить свою супругу в любую минуту. Вы должны выглядеть прекрасно и ждать своего господина.

– Он не придет до вечера, – шиплю я, помня его обещание дать мне немного отдыха.

– Император может и передумать, – парирует она, тут же поправляя у меня в прическе несуществующее несовершенство.

Так продолжается до вечера.

О его наступлении я догадываюсь только по солнцу, склонившемуся к закату, потому что хронометра в комнате нет.

В этот момент двери комнаты в очередной раз без стука распахиваются, я вздрагиваю, ожидая увидеть Ронана, но вместо него входят двое мужчин. Они несут странный деревянный агрегат с кучей замков и ремней, напоминающий то ли орудие пыток, то ли древнюю табуретку с дырой посередине сидения.

Следом за этой процессией идут уже знакомые Нинат и Кимат. По их мимолетному жесту служанки тут же исчезают, а мужчины оставляют странное приспособление на кровати и встают у дверей.

– Что это такое? – спрашиваю я.

Сердце колотится так сильно, будто готово выпрыгнуть из груди, а я понимаю, что не хочу знать ответ на свой вопрос. Мне он наверняка не понравится.

– Фиксатор, – скупо отвечает Кимат, подходя к «табуретке» и начиная распутывать многочисленные ремни.

– Для чего? – Я не узнаю собственного голоса.

Вторая сестра издает едва слышный смешок.

– Я бы сказала для кого, – тут же отвечает она и обращается уже к родственнице. – Каждый раз поражаюсь, как одно-

типно мыслят «императрицы». Всегда одни и те же вопросы. «Что это? Для чего это?»

В отличие от других обитателей дворца и даже Дизайнера смерти – эти двое не стесняются мне хамить, тыкать и обращаться как с «мусором». Но надо сказать, это намного честнее, чем бесконечное называние меня госпожой.

– Ну, чего стоишь? – раздраженно бросает мне Кимат. – Проходи, ложись поудобнее. Не заставляй волочь тебя силой.

Я отступаю на шаг. Пусть только попробуют.

Как вчера, я им не дамся, тем более не позволю засунуть себя в эту штуку.

Верно истолковав мое поведение, Кимат выплевывает тихое «дура» и гораздо громче бросает мужчинам, стоящим у двери:

– Нужна помощь!

Словно только и ожидая приказа, эти двое идут ко мне.

Пока я пытаюсь найти путь отступления, меня просто скручивают. Один заламывает руки за спину, второй хватает за затылок так больно, что слезы брызжут из глаз. Хотелось надеяться, что сейчас меня по неосторожности придушат, но мужчины работают так привычно и ловко, словно каждый день только этим и занимаются.

Впрочем, скорее всего так и есть.

Я кричу, пытаюсь извернуться, но ничего не могу сделать против четырех человек.

Пока мужчины держат, Нинат плотно привязывает мои конечности к распоркам и особенно внимательно следит, чтобы мой зад при этом была максимально выпячен вверх. Кимат же защелкивает на шее деревянную колодку.

– Теперь никуда не денешься, – закончив, произносит одна из сестер и отсылает мужчин прочь. – Или ты реально думала, что мы каждый день тебя за ручки держать будем?

Попытка повернуть голову и узнать, какая из этих двух тварей надо мной глумится, проваливается.

– Если у меня будет возможность вас убить, я сделаю это, – обещаю я.

– Да-да, мы уже слышали это раз тридцать. – Перед лицом возникает улыбающаяся Нинат с носовым платком и удивительно аккуратно вытирает мне слезы. – Император не любит сопливых девиц. Для него ты должна быть идеальна.

В этот же момент я чувствую руки второй сестры. Кимат поправляет сбившуюся прическу, бормоча под нос:

– Ну ничего. Скоро привыкнешь, через пару недель научишься сама ложиться без посторонней помощи. А если будешь умной девочкой, может, даже попросишь у нас совета, как доставить удовольствие мужчине. И тогда император дарует тебе легкую смерть.

Сцепляю зубы и молчу.

В своих мыслях я точно не собираюсь становиться «умной девочкой» и тем более сломленной. От того, какой будет моя

смерть, исход не изменится. В конце концов, я могу даже выдумать себе высшую цель.

Со мной император потеряет очередной месяц, а ведь он уже не молод. Сколько еще жен успеет побывать на моем месте, прежде чем он сдохнет и на его место найдется кто-то другой?

Сестры уходят, а я еще бесконечно долго нахожусь в этой унизительной позе, словно курица на вертеле – готовая к употреблению.

Пытаюсь хоть немного ослабить ремни, потому что руки и ноги затекают, а в голове мечты о том, какую расправу устрою Нинат и Кимат. Только они не дают мне сойти с ума, когда приходит Ронан.

Я не вижу его, но, судя по звукам (что-то падает, валится, император крепко ругается и еле ворочает языком), – он смертельно пьян. Это вызывает во мне еще большее омерзение, и в глубине души я надеюсь, что в таком состоянии он просто уснет.

Но нет.

Откуда только силы берутся.

Все длится непростительно долго и намного больнее, чем вчера. Под конец на моих губах нет живого места – они искусаны в кровь, а изо рта вырываются стоны боли.

– Вот можешь же, когда хочешь! – подбадривает Ронан, шлепая по бедрам и еще грубее впиваясь в них руками.

Не выдерживая, я кричу, и только тогда это подонок за-

канчивает.

Похоже, его возбуждает именно чужая боль, а может, в пьяном угаре он путает стон боли и удовольствия.

И все же я плачу, хоть и не собиралась это делать.

Мне мерзко, противно и больно.

Но императору плевать, никакого сострадания. Да и откуда ему взяться, если до меня он попользовал буквально сотню таких же девиц?

Ронан уходит, громко хлопая дверью, на этот раз даже не трудясь закрыть ее на замок.

Да и зачем, хорошо зафиксированная жертва побег не устроит.

Время опять длится бесконечно долго, и мне становится еще страшнее, чем было до прихода этого урода.

Что, если меня оставят так до утра или Ронан собирается вернуться? Или того хуже – придет кто-нибудь еще…

В этот момент дверь открывается, и в комнату входит кто-то. Я напрягаюсь почти мгновенно, потому что поступь ровная и уверенная.

– Госпожа, как вы?! – раздается рядом голос доктора Дорнана, и я облегченно выдыхаю, когда он начинает развязывать ремни.

– Ответ «отвратительно» вас устроит?

– Меня устроит правда, я же доктор, – поясняет он и высвобождает мою голову, а после помогает лечь и выпрямиться на кровати.

Но конечностям и позвоночнику тотчас же бегут болезненные мурашки, и я едва ли не вою от боли. Облегчение приносит только легкий массаж, Дорнан растирает мне руки и ноги.

– Если вас это утешит, – произносит врач, – то я против подобных методов для процесса зачатия и не единожды говорил об этом императору. Подобное не может благоприятно сказываться на психологическом состоянии потенциальной матери наследника.

Его слова меня немного удивляют. За сутки в роли жены узурпатора я уже свыклась с мыслью, что все вокруг исключительно садисты.

– Видимо, ваше мнение не котируется, – отвечаю я, начиная наконец чувствовать кончики пальцев.

– Когда как. Конкретно в этом случае мнение начальника охраны важнее. Слишком часто бывшие императрицы пытались убить господина.

– И с чего бы вдруг?! – с притворным удивлением замечаю я. – Он же такой «замечательный» человек.

Дорнан качает головой.

– Аккуратнее, госпожа, у этих стен много ушей, и каждое ваше слово император обязательно услышит.

Фыркаю. Можно подумать, я об этом не догадывалась раньше.

– Пусть слышит, я могу даже повторить все это ему в лицо. Мне терять, как сами понимаете, нечего.

Но доктор и здесь не согласился.

– Даже смертникам есть что терять. Подумайте о своей нянечке. Когда двадцать пять лет назад Милента покидала эту планету, она оставила здесь своих детей ради вашего воспитания. Подумайте о судьбе этой достойной женщины. – Он взял многозначительную паузу и добавил: – И о судьбах ее сына и дочери.

Несколько мгновений я пыталась понять, что же услышала. А после, пересиливая боль, вырвала свои руки из пальцев доктора и села, глядя на него с презрением.

Я в очередной раз обманулась в людях, захотела увидеть в ком-то подобие союзника.

Но нет, всего лишь очередной подосланный человек, чтобы сказать мне нужную информацию.

– Милента жива?

– Да, – кивнул старик. – И даже если ваша участь будет трагична, ваша няня может прожить еще долгое время. Ронан бывает милостив. То же самое касается ее семьи.

– Где они? – сквозь зубы проскрежетала я.

– Насколько знаю – в темницах, – довольно равнодушно посвятил доктор. – Так что все зависит от вас, госпожа. И вашего смирения.

– Смирения?! – повторила я, и от этого слова меня затрясло. – Уходите. Оставьте меня одну.

Ему не нужно было повторять дважды. Дорнан встал и у самых дверей, обернувшись, произнес:

– Подумайте над моими словами. Все же это последний из ныне живущих людей, кто вам дорог.

* * *

В этот раз замок все же закрылся, надежно отсекая меня от призрачной свободы. Я же от злости схватила какую-то статуэтку с тумбочки и швырнула в стену.

Хотелось разбить ее вдребезги, чтобы рассыпалась на миллион частей, но она невредимой отскочила от поверхности, словно мяч.

– Да, правильно, – крикнула я в пустоту. – А то вдруг надумаю перерезать себе вены осколками. Наверняка кто-то до меня так уже сделал!

Внутри кипели злоба, ярость и полное бессилие.

Я не знала, что делать. Чувствовала себя бесконечно слабой в этих обстоятельствах, но внутреннее желание не сдаваться не давало покоя.

Смирение? Они хотели видеть меня беспроблемной рабыней на месяц. Чтобы вела себя так, как им нужно.

Ложилась под Ронана, стонала под Ронаном, заглядывала ему в рот, выпрашивая милости.

Наверняка эта схема даже работала все прошлые разы. Ведь несложно заставить молодую девушку прогнуться под обстоятельства, заточив ее родителей, братьев и сестер и шантажируя их жизнями.

Вот только у меня никого не было. Никого, кроме Милены, заменившей мать.

Я вспомнила день, когда попала к императору в невесты.

Если можно назвать словом «попала» то, как в наш уютный домик на Затурии ворвались люди в форме императорской стражи и вкололи мне снотворное в шею. Проснулась я уже здесь – на столичной планете.

Живя на тихой Затурии, из каналов связи и я, и няня прекрасно знали: где-то далеко Ронан совершает свои бесчинства, раз в месяц беря новую жену. Но это казалось далеко. Так далеко, что нас наверняка не коснется.

Да и с чего бы коснулось? Милента считала, что про девочку-младенца, покинувшую планету двадцать пять лет назад, никто не помнит. И эта тайна будет похоронена вместе с ней.

Ради этого она даже ни разу не выходила на связь со своими родственниками.

Но этот подонок нашел нас на краю вселенной.

Я хорошо помню огромный тронный зал и то, как меня подвели к Ронану, сообщив, что уже через два дня я стану его женой.

Предыдущая супруга сидела рядом с императором, мое появление для нее означало почти вынесенный смертный приговор, но девушка даже не фокусировала взгляд на мне. Смотрела куда-то сквозь, а ее лицо не выражало абсолютно ничего.

Как у манекена, которого просто удачно расположили на витрине для вида.

Сейчас мне становилось ясно почему.

Так в понятии Ронана и его свиты выглядело смирение.

Нужно вести себя, как удобно и хочется окружающим, и тогда никто из тех, кто тебе дорог, не пострадает, а смерть покажется освобождением.

В один миг я представила себя на месте той девушки.

Как буду точно так же сидеть и равнодушно смотреть на следующую.

И даже если мне будет очень жалко следующую жертву Ронана, еще более жалко мне будет себя и тех, кто может пострадать, если мое поведение на публике не устроит императора.

Например, кричать, чтобы девушка пыталась бежать…

Ну или мало ли, какая еще глупость придет мне в голову.

Воображение подкинуло картинку, где мне каким-то чудом удается раздобыть нож, и как я перережу им горло если не Ронану, то хотя бы кому-нибудь из сестер.

Глава 3

– Беременности нет, – произносит доктор, а я ликую в душе.

Кажется, от этой фразы я скоро научусь улыбаться, несмотря на всю ничтожность своего положения.

Прошла неделя.

Целая неделя моего непрерывного заточения, попыток Ронана сделать ребенка и утренних унизительных осмотров. Но сегодня что-то меняется, неуловимо.

От фразы доктора Ронан приходит в ярость. Хватает Дорнана за грудки, как будто тот может как-то повлиять на процесс, и кажется, император готов размазать старика по стенке:

– Это ведь ты сказал, что она сможет, – шипит Ронан, глядя в лицо доктора. – Именно ты вспомнил имя девчонки, которую выбрал Урсун своему сыну. Так где результат?

– Но ведь месяц еще не прошел, – сдавленно пытается говорить Дорнан. – Нужно подождать.

– Я уже двадцать пять лет жду! – плюет император и убирает руки от горла доктора.

Тот валится тюком на пол, а я, кажется, впервые за все время почти солидарна с чувствами Ронана. Только он на доктора просто зол, а я ненавижу Дорнана за то, что по его вине моя спокойная жизнь закончилась.

Старик поднимается на ноги, а я прикидываю его возраст – примерно такой же, как и у Миленты. Значит, он еще один живой свидетель того переворота, возможно, даже мог принимать роды у моей матери…

– Я могу идти, мой господин? – спрашивает Дорнан, и Ронан кивает ему в ответ.

Обычно сам император тоже уходит вместе с охраной и Дизайнером, оставляя в комнате только служанок. Но сегодня Ронан медлит.

Смотрит на меня и будто оценивает, причем с какой-то другой стороны – не как обладательницу потенциально плодоносной матки. Это страшно напрягает, и одновременно с тем в душе шевелится что-то похожее на надежду.

– Завтра во дворец прилетают Мандрогиры, – наконец нарушает молчание он, причем видно – говорит с неохотой. – Мне необходимо, чтобы ты присутствовала на приеме. А после еще неделю играла любящую жену.

На мгновение я замираю. Причин несколько: во-первых, любящую? Серьезно? С чего бы такие требования? А во-вторых, я никогда не видела Мандрогиров – другую расу, абсолютно диковинную с точки зрения нашего понятия жизни.

Потому что мы люди – кровь, плоть, углерод, водород, кислород и бог весть что еще, а они – кремниевая форма жизни. Негуманоидная раса, живущая на планетах с невозможными для нас условиями. Океаны из расплавленного металла, невыносимое давление и температура в несколько ты-

сяч градусов. Даже атмосфера у них была из газообразного фтора.

Милента рассказывала, что именно из-за этих абсолютных различий Мандрогирам с нами было нечего делить. Одни и те же планеты нас не интересовали, а любые конфликты, как правило, ограничивались переговорами по разделу транспортных путей. Но даже там мы не мешали друг другу – умудряясь решать относительным миром.

– Зачем этот недельный фарс? Ведь все подданные знают правду!

– Мандрогиры в силу иной культуры несколько иначе смотрят на вещи. В нестабильных условиях их планет у них сформировался довольно любопытный клановый уклад жизни. Одна семья может насчитывать тысячу особей, и при этом они очень привязаны друг к другу. Поэтому наши специалисты считают: для успешного ведения дел гости должны видеть крепкую императорскую семью, – довольно терпеливо пояснил Ронан. – У Мандрогиров есть то, что нужно нам, а у нас – что необходимо им. И от того, как пройдут переговоры, зависит процветание империи на ближайшую сотню лет.

Я подняла злой взгляд на Ронана и ответила со всей искренностью:

– А мне-то что с ее процветания? Я в ней жить уже не буду.

– Зато будет Милента, – напомнил император о рычагах давления. – Кстати, у нее есть не только сын и дочь, но даже

внуки…

Я не сумела сдержать гримасу отвращения.

Мною манипулировали, а я позволяла это делать.

Ведь я не могла сказать Ронану, будто мне плевать на свою няню и неизвестных мне людей. Сам факт противопоставления моего хорошего поведения против чужой жизни – лишал выбора.

– Внуков ты тоже посадил в темницу?

Император покачал головой.

– Ну я же не чудовище, а они всего лишь дети.

Хотелось огрызнуться, сказать, кто именно тут чудовище, но сдержалась.

– Я хочу увидеть Миленту, убедиться, что она и ее дети живы, – твердо сказала я. – А потом вы их отпустите, и только после этого я сделаю необходимое.

Ронан вскинул бровь, казалось, он ожидал другого требования.

– Серьезно? Всего лишь отпустить старуху с детьми?

– Да, – глядя ему в глаза, подтвердила я, и он расхохотался.

Смеялся довольно долго, я же не могла понять, что такого веселого в моей просьбе.

– Знаешь, удивила, – наконец произнес он. – Когда нечто подобное я иногда требовал у твоих предшественниц, все они просили сохранить себе жизнь.

– Видимо, не помогло, – сделала очевидный вывод.

– Именно. Но твоя просьба забавна и ничего не будет мне стоить. Пожалуй, даже выполню.

Он повернул голову к Дизайнеру Смерти, который все это время стоял у окна и, как в прошлый раз, смотрел на солнце. Можно было подумать, что его вообще ничего кроме солнца в этом мире не интересовало. Странный тип.

– Хэдок, ты все слышал?

– Да, мой господин, – бесцветно и не отрывая взгляда от светила, ответил мужчина в черном.

– Тогда после завтрака отведешь императрицу к Миленте и проследишь, чтобы моя жена больше ни с кем, кроме старухи, не общалась. После доставишь ее обратно сюда.

– Хорошо, мой император. Будет исполнено.

Ронан подошел к нему, заставляя Дизайнера отвлечься от созерцания, и произнес гораздо тише, но я все равно расслышала:

– В этом дворце я могу доверять только тебе. Вокруг слишком много врагов, желающих лишить меня даже шанса на получение наследника. Поэтому ты должен помнить, что Эсмиральда, возможно, наш единственный шанс вернуть дар Дизайнера Жизни. А это нужно нам обоим.

– Об этом сложно забыть, мой господин. Благодарю за доверие, – склонив голову перед Ронаном, произнес Дизайнер и, уже поднимая бездонный черный взор на меня, добавил: – С головы императрицы не упадет ни волоска. Обещаю.

* * *

Завтрак принесли как всегда вовремя, и пока служанки меня заплетали, я продолжала следить за Хэдоком.

Его присутствие делало воздух в комнате физически осязаемым. Словно сама аура Дизайнера заставляла напрягаться вокруг не только людей, но и предметы.

– Безопасно, – после осмотра еды констатировал мужчина. – Можете приступать. Хотя я бы посоветовал воздержаться и поторопиться к Миленте.

– Если честно, то есть и так не хочется. Аппетита нет.

Мы опять переговаривались через отражение зеркала.

– С другой же стороны, вам необходимо есть. Как мать будущего наследника… – начал он.

– Как мать будущего наследника, – перебила его. – Я удавлюсь, лишь бы не рожать узурпатору ребенка. Найду способ, но инкубатором не стану.

В зеркале переглянулись служанки, и если бы моя воля, отослала их куда подальше. Чертовы шпионки.

– Моя задача не допустить подобного, – отозвался мужчина и отошел обратно к окну.

Я же, едва с прической было завершено, поднялась и прямиком направилась к двери.

– Мне обещали, что я увижу Миленту. Не вижу смысла откладывать это ради завтрака.

Возможно, мне показалось, но на лице Дизайнера возникло некое подобие снисходительной улыбки, по крайней мере, уголок его рта немного приподнялся.

Впервые за долгое время я вышла за пределы комнаты. Казалось, даже воздух здесь пахнет иначе.

Более свежий и яркий. Видимо, такой вкус был у свободы.

– Если хотите видеть свою няню, стоит поспешить, – хмуро произнес Дизайнер, пока я путалась в полах длинного платья. – Скоро смена караула в темницах, можно сказать, вам даже повезло.

Подняв на мужчину взгляд, решила убедиться, что он точно издевается. Возможно, у Дизайнеров такой своеобразный черный юмор, ведь говорить о везении в моем случае было чистой насмешкой. Но Хэдок просто отвернулся и зашагал прочь.

Оставалось только поспешить за ним и тут же едва не споткнуться.

– Дурацкие наряды, – не знаю зачем, пожаловалась я, будто Хэдок мог понять женскую беду. – С тем же успехом ваш любимый император мог бы держать меня в комнате голой. Зачем каждый день меня одевают и красят?

– Ну, сегодня же вы вышли. Не уверен, что большее удовольствие вам принесло бы путешествие по дворцу нагишом.

Мужчина остановился и, обернувшись, смерил меня своим бездонным взглядом, и несмотря на его абсолютно непро-

ницаемое лицо, судя по тону, Дизайнер издевался.

– Ведите уже, – буркнула я, приподнимая расклешенный подол до пола повыше, чтобы не споткнуться снова.

Хэдок двинулся вперед, а я послушно семенила за ним. Отсутствие охраны не смущало. В сопровождении Дизайнера смерти мне мало что могло угрожать. Да и сбежать от него было нереально. Это только кажется, будто он идет и смотрит лишь впереди себя, не обращая на меня внимания. На деле же видит кучу вероятностей возможных опасностей и событий, которые могут к ним привести. Так что даже если я решу кувыркнуться с перил вот того балкона, то вряд ли успею даже до него добежать.

Стоило зайти в лифт, как Дизайнер набрал на панели длинную комбинацию, запомнить которую с первого раза не получилось. На индикаторе высветился пункт назначения «минус десятый этаж».

– Так низко… – выдохнула я.

Но в этот раз мне не ответили, явно не посчитав нужным.

Двери закрылись, и мои внутренности словно решили остаться вверху, когда тело резко и вместе с лифтом устремилось вниз. Мы будто сорвались с огромной высоты в свободное падение и так же неожиданно остановились. Внутри родился приступ тошноты, пришлось даже схватиться за стену, чтобы не упасть.

И только Дизайнеру хоть бы что, он даже не шелохнулся. Стоял, словно приклеенный. Одним словом – почти не че-

ловек.

– А можно было не так быстро?! – начала я.

– Нет, если вы хотели попасть к Миленте. Я же предупреждал о смене караула.

Он вышел из лифта и даже не потрудился подождать, пока я выйду. Впрочем, я и так за ним почти бежала по темным коридорам с тусклым освещением.

Здесь было тихо, и никакой стражи на первый взгляд, но я не обманывалась – в месте, где держат политических заключенных, полно сюрпризов.

Удивляло другое. Воздух. Он здесь был таким же, как и в моей спальне. Внешне свежий, но пахнущий закрытыми дверьми и безысходностью. Тюрьмой – одним словом.

Впереди замаячила первая и единственная дверь в этом бесконечном коридоре. Словно других и не было.

Хэдок подошел к ней и приложил ладонь к панели. Сработали сенсоры, распознающие отпечатки, и дверь с шипением отъехала в сторону.

Только сейчас я увидела, насколько она была толстой, не меньше десяти сантиметров в толщину с гермозатворами, как в космическом корабле.

– Зачем это? – не надеясь услышать ответ, спросила я.

– Самая надежная тюрьма та, в которой нет дверей, – снизошел до объяснений Дизайнер. – В этой темнице – одна, но она бывает открыта всего один час в месяц либо на несколько минут, когда привозят новых заключенных. Открыть в дру-

гое время ее может только император.

– Но вы же ведь ее только что открыли.

– Сегодня пересменка охраны, – вот уже в третий раз напомнил Хэдок. – Это значит, что в ближайший час отсюда выйдут старые тюремщики, и их заменят новые, а после двери закроются еще на месяц.

Теперь стали ясны причины спешки. В столь узкое «окно» я могла бы и не попасть.

– Сколько у меня осталось времени на общение с няней?

– Около сорока минут. Хотя ради вас, уверен, император лично спустится и откроет двери, если не успеете выбраться. Но я бы не советовал искушать судьбу. Кто знает, каким может быть гнев господина, если он решит, что это лишь очередной способ избежать исполнения вами супружеского долга.

Сцепив зубы, я сдержала в себе порыв ответить, что в моем случае супружеский долг – это ежедневная унизительная экзекуция. И ничем, кроме того, что меня когда-то выбрал Урсун для своего сыночка, я такой «чести» не заслужила.

Мы вновь шли по коридорам, и чем дальше продвигались – тем больше я понимала: на обычную тюрьму в моем понимании это не похоже. Не было камер, решеток, несчастных заключенных. Зато был закругляющийся коридор, словно огибающий что-то огромное и круглое. Изредка от него вглубь уходили новые лучи-коридоры, и тогда я сделала предположение, вспомнив о толщине единственной двери.

– Это ведь не тюрьма изначально была? Корабль?

– Верно, – не оборачиваясь, подтвердил Дизайнер. – Самый первый, на котором тысячу лет назад прибыли на планету представители императорского дома с колонизаторской миссией. Пирамида сверху надстраивалась уже после.

– Тогда почему дверь одна? – продолжала засыпать я вопросами. Даже несмотря на ситуацию, во мне всегда жило любопытство к редким фактам. – Должны же быть грузовые платформы, пассажирские трапы, аварийные выходы…

– Та дверь, которую мы видели, и есть аварийный выход. Если вы хорошо изучали историю на Затурии, должны бы знать, что корабль потерпел на этой планете крушение, довольно глубоко войдя при этом в землю.

«Минус десятый этаж», – напомнила я себе, пока Хэдок продолжал:

– И платформы, и трапы, расположенные в нижних отсеках, остались заблокированы под весом корабля, поднять который оказалось невозможно. Тогда и было принято решение выбираться наружу. Благо атмосфера подходила. Колонизаторы разобрали верхние отсеки и построили новый дом. Сейчас же корабль стал самой надежной темницей во всей империи. Снизу земля, сверху каменные плиты дворца, по краям толстые стены, и абсолютно автономный объект внутри с единственным выходом наружу.

Он рассказывал все это с таким упоением, будто экскурсию проводил, и если бы не осознание, что где-то здесь дер-

жат узников, я бы даже прониклась величием тысячелетнего корабля, который до сих пор был вполне функционален.

– Пришли, – останавливаясь у одного из отсеков, произнес Дизайнер и приложил руку к открывающей панели.

Двери в очередной раз с шипением разъехались в стороны, выпуская изнутри клубы пара и собачий холод.

– Это что? Холодильник? – ужаснулась я условиям, в которых держат заключенных. Здесь царил адский мороз, пробирающий до костей. И мое тонкое платье ничуть от него не защищало.

– Почти. Анабиозный отсек. Или императрица считала, что кто-то будет тратить на заключенных ценные ресурсы: воду и еду? Зачем? Куда дешевле и надежнее погружать их в сон. Еще одна гарантия, что они никуда не сбегут.

Едва не плача, я разглядела в глубине помещения сотни капсул с телами внутри. Это было жестоко.

Очень. Да, я понимала – все эти люди живы, но выходило, что Ронан меня все же обманул.

– Мне обещали разговор с Милентой, – произнесла я. – А после ее отпустят вместе с детьми.

– Император редко бросает слова на ветер. Можно думать о нем что угодно, но свои обещания он выполняет. – Хэдок подошел к огромному компьютеру внутри «холодильника», долго просматривал списки имен на экране, пока не выбрал нужные и дал команду на разморозку. – Это не займет много времени, моя императрица. Хотя первое время человек ис-

пытывает термический шок. Ваша няня, возможно, будет не совсем адекватна.

Я зябко обхватила себя руками и заскрежетала зубами – от холода, злости и бессилия. Хотя де-факто все мои условия выполнялись, я продолжала чувствовать себя обманутой.

– Теперь нужно подождать в другом отсеке, – указал на дверь Дизайнер. – Миленту приведут туда.

В другой комнате оказалось намного теплее. Здесь были белые стены, один стол и несколько стульев – очень похоже то ли на старую переговорную, то ли допросную. Особенно если учесть огромное зеркало на стене.

– Бывший медицинский бокс, – словно прочтя мои мысли, произнес Хэдок, указывая на стену за стеклом. – Там содержали в карантине тяжелобольных людей, а сюда к ним приходили родственники для общения.

– Вы поразительно много знаете об истории этого места, – удивилась я.

– Изучал, – коротко произнес он. – Даже у такого, как я, бывают увлечения.

В этот момент открылась ранее незаметная дверь. Оттуда вышел мужчина в белом одеянии доктора, он катил кресло-каталку, на котором, дрожа от холода и кутаясь в фольгированное одеяло, сидела моя няня.

– Милента! – Я кинулась к ней, буквально падая на колени. – Милента, как же я рада!

– Эс-с-сми. – В ее глазах мелькнуло узнавание, но жен-

щину, заменившую мне мать, продолжало колотить, отчего взгляд тут же стал мутным, а сама она словно резко решила уснуть.

– Эй! – крикнула я на врача. – Что с ней? Сделайте уже что-нибудь!

– Это абсолютно нормальная реакция после выхода из «заморозки! – абсолютно спокойно ответил тюремный доктор. – Как правило, термический шок проходит в течение пары часов, а ясность мыслей наступает после продолжительного сна.

– У-у-у… – Мне хотелось выть, но я понимала: не могу позволить себе такой слабости, тем более получив пусть и небольшую победу. Милента дрожала, а я обнимала ее руками, шепча и надеясь, что она все же услышит и запомнит: – Ронан обещал освободить тебя и твоих детей. Все будет хорошо, слышишь!

Если нянечка и понимала мои слова, то я, кроме стука зубов, ничего не могла разобрать. Разве что, когда он начал стихать, я вначале испугалась, а затем поняла – Милента просто засыпает.

– Ее точно отпустят? – повернув голову к Дизайнеру, спросила я. – Надеюсь, это не очередной обман?

– Если моя императрица захочет, я могу проследить за этим и доложить, – эхом откликнулся он.

Я же вновь скривилась от «императрицы» и от того, как могу жестоко обмануться этим его обещанием. Кроме себя

в этом замке доверять мне некому.

– От вас в данном случае тоже ничего не зависит. Все будет так, как решит Ронан.

В этот момент Милента вздрогнула, резко скидывая с себя оковы сна, распахнула глаза и схватила меня за руку.

– Рон-нан, – повторила она. – Двое!

– Что двое? – не поняла я.

– Два брата! Ронан и… – Тут няню вновь заколотило.

– И Урсун, – дополнила за нее я.

– Да! – вдруг согласилась она, и ее глаза вновь принялись закрываться. – Урсун…

Пальцы няни разжались, и она окончательно погрузилась в сон.

– Обычный приступ бреда, – констатировал тюремный врач, когда я вопросительно глянула на него. – Часто бывает после разморозки.

– Вашей няне необходимо отдохнуть. – Хэдок прямым текстом намекал на то, что мне пора. – Да и двери закроются через десять минут.

Выпрямившись в полный рост, кивнула, но тут же дополнила:

– Тогда я хочу лично убедиться, что вместе со мной тюрьму покинут Милента и ее родственники. Они могут даже спать при этом, ничего страшного. Главное, я буду уверена, что они не останутся здесь еще на месяц. А то кто знает, вдруг их вновь отправят в криосон.

– Весьма здраво, – согласился мужчина, кивая доктору. – Подготовьте каталки. Эти люди покинут пределы тюрьмы вместе с нами.

– Но приказа императора не было! – возразил тюремщик. – Только на разморозку.

– Был, меньше часа назад. Устный. – Хэдок излагал четко и скупо. – И, как вы знаете, я не тот, кто стал бы врать о подобных вещах.

– Слушаюсь, – отозвался доктор и исчез за дверью вместе со спящей Милентой.

Не прошло и минуты, как каталки с тремя спящими людьми выкатили в коридор.

Я следовала за ними, смотрела на умиротворенное лицо няни и молилась, чтобы, когда она проснется, ее действительно отпустили. В конце концов, за это я продала целую неделю своего поддельного веселья и любви для проклятого узурпатора.

Из тюрьмы я решила выходить последней, перестраховывалась, хотя ощущение обмана даже сейчас никуда не исчезало. Я боялась, что стоит мне выйти, и за моей спиной тут же захлопнутся двери, отрезая от еще находящейся там Миленты.

Поэтому я настояла, чтобы первым вышел Хэдок, затем выкатили каталки, и только тогда шагнула сама, от радости совершенно забывая о неудобной юбке и наступая на подол.

Я толком не успела понять, что вот-вот встречусь с твер-

дой поверхностью и набью парочку синяков, когда чьи-то руки подхватили, не давая даже кончиками ладоней коснуться пола.

Мгновение ушло на то, чтобы осознать, кто именно меня подхватил. Сердце застучало в бешеном ритме от страха, ведь близость Дизайнера и то, как его руки держали меня за обнаженную кожу плеч, пугало возможной болью.

Я до сих пор помнила то жжение, которое было в прошлый раз. Но сейчас кроме прохлады его пальцев я не ощущала ничего.

– Отпустите немедленно, – выдохнула, наконец найдя в себе силы говорить и понимая, как неуютно близко находится лицо Хэдока и его пронзающий взгляд. – Зачем вы это сделали? Ничего страшного бы не произошло. Максимум ссадины.

– Я обещал императору, что с вашей головы не упадет ни волоска, – произнес мужчина, ставя меня на ноги и тут же отступая назад.

Я принялась отряхивать несуществующую пыль с платья, чтобы хоть чем-то занять руки. Сердце грозило выпрыгнуть из груди, а вот мозг соображал как никогда ясно.

– Тогда, выходит, вы не выполнили другое обещание, данное Ронану. Я не должна была беседовать ни с кем, кроме Миленты, но разговаривала с врачом, – победно заявила, глядя Хэдоку в глаза.

Не знаю почему, но именно этот факт вызывал во мне на-

стоящую улыбку. Дизайнер Смерти оплошал.

Но в следующий момент от радости не осталось ни следа.

В конце коридора показались люди, во главе которых я опознала идущего императора. Он приближался настолько стремительно, а на его лице было такое выражение недовольства, что мне невольно захотелось вжать голову в плечи.

Подавив в себе этот трусливый порыв, я обежала каталки со спящими и, буквально загораживая их собой, встала на пути Ронана.

– Кто посмел выпустить заключенных наружу? – прогрохотал узурпатор, останавливаясь в нескольких метрах. – Я давал разрешение только на разморозку. Хэдок, как это понимать?

Фигура Дизайнера, еще пару секунд назад стоявшая у двери в тюрьму, неуловимым движением переместилась, теперь уже загородив обзор мне.

– Я выполнял ваш приказ, господин. Вы обещали своей супруге разговор с Милентой и освобождение пленников.

– Я не уточнял сроков освобождения. До моего особого распоряжения эти люди должны оставаться под надзором.

Тут я не выдержала.

– Вы хотели сказать – в холодильнике, мой император? – То, что Хэдок перегораживает мне возможность смотреть на Ронана, нервировало, пришлось выглянуть из-за Дизайнера и продолжать: – Конечно же, тогда вам будет удобно продолжать меня шантажировать. Вот только если эти люди сейчас

же не покинут пределы дворца, я отказываюсь сотрудничать и «играть в чувства» перед Мандрогирами. Можете поискать другую жену для этого занятия, а меня запереть в спальне. Потому что в противном случае я отказываюсь доверять вашим словам.

– Ты смеешь ставить их под сомнение?! – взревел Ронан.

– Смею, – как можно выше задрав подбородок и глядя ему в глаза, ответила я. – Если вы запрете Миленту в тюрьме до следующего открытия дверей, то через месяц, скорее всего, забудете ее оттуда выпустить. А меня уже не будет в живых, чтобы напомнить вам об обещании!

– С таким поведением тебя может не оказаться в живых гораздо раньше, – сквозь зубы прорычал император, я же еще более упрямо продолжала смотреть ему в глаза.

– Пугать смертью меня бессмысленно. Как минимум неделю я еще буду вам нужна, – напомнила я. – Улыбающаяся и очень «любящая».

По лицу императора было видно: он взвешивает мои слова. Так ли сильно ему необходима строптивая жена на официальном приеме чужой расы, или лучше действительно найти кого-то подсадного и более сговорчивого?

– Мой император, – опять заговорил Хэдок. – Церемонию бракосочетания транслировали по всем планетам империи. Госпожа Эсмиральда необходима завтра на приеме.

Скрежет зубов Ронана был отчетливо слышен даже за несколько метров.

– Миленту и остальных перевести на нижние ярусы дворца, – наконец произнес он, отдавая приказ кому-то за своей спиной. – После пробуждения отпустить, но продолжать слежку.

Ронан отделился от толпы своей охраны и подошел ко мне так близко, что его лицо нависло над моим буквально в паре сантиметров. Император пытался подавить меня одним взглядом. Но я не ломалась, терпела. Заставляла свой позвоночник быть ровным, а глаза сухими.

– Но учти, – прошипел он, пожирая глазами. – Если с Мандрогирами что-то пойдет не так, твоя нянька вновь окажется в этом месте. Так что научись улыбаться мне, Эсмиральда. Причем желательно прямо сейчас.

Несколько мгновений ушло на осознание его слов, а после через неимоверное усилие я выдавила улыбку и медленно произнесла:

– Так, мой господин?

– Слишком много яда в голосе. Потренируйся еще, – бросил Ронан. – А теперь иди в свою комнату. Через несколько часов я приду к тебе.

Душа провалилась в пятки. До этого император приходил только по ночам, хотя служанки намекали, что он может делать это в любое время. И вот сейчас Ронан выбрал секс для моего наказания.

– Мне нравится, как ты боишься, – произнес он. – Гораздо искреннее, чем улыбаешься.

Прозвучало, как «знай и помни, где твое место».

– Хэдок, а с тобой я собираюсь поговорить отдельно, – обратил свой взгляд Ронан на Дизайнера. – Но прежде отведи императрицу наверх.

– Слушаюсь, мой господин. – Меня опять довольно грубо дернули за плечо, почти так же больно, как в тот, первый раз в спальне, и поволокли к лифтам.

Плечо опять жгло, а я шипела во всеуслышание, не жалея слов на проклятия.

Что за бессмысленная жестокость? К чему она, если еще десять минут назад Хэдок рассказывал сказочку о сохранности моих волосков и, подхватывая меня за мгновение до падения, не собирался причинять боли.

Или сейчас он так выражал солидарность с гневом императора?

Дизайнер отпустил меня только в лифте, едва двери за нами закрылись.

– Это больно, – обвинительно воскликнула я, потирая плечо. – Очень.

– Не больнее наказания за гнев императора, – отозвался Дизайнер.

– Да что вы вообще знаете о его гневе? – все же вырвалось у меня. – Можно подумать, это вас он насилует каждую ночь.

Я выпрямилась в полный рост и уставилась прямиком в холодное лицо.

– Ну же, что? – повторила я.

– Вы путаете гнев и секс, – ответил мужчина, и его дыхание неожиданно коснулось моей щеки. – И если второй можно вытерпеть, то первый может оставить следы на этом прекрасном лице.

Совершенно неожиданно пальцы Хэдока коснулись моей щеки и едва слышно провели вниз.

– Вы красивы, Эсмиральда. Но даже эту красоту можно испортить одним росчерком ножа или взмахом кнута, – заметил он, пока по моей спине бежали мурашки. – А будущей матери наследника не обязательно иметь красивое лицо, и император вполне может им поступиться.

– Что вы имеете в виду? – пробормотала я, концентрируясь только на его пальцах, которые добрались до подбородка и перешли на одну из витых прядей прически.

– Вы и так прекрасно понимаете что. – Он задумчиво намотал локон на палец, разглядывая, как редкие перламутровые волоски отблесками теряются в черных прядях. – Седина вам идет, моя императрица, но не нужно, чтобы ее становилось больше…

Я растерянно переваривала сказанное, когда Хэдок выпустил локон из пальцев и отодвинулся дальше, ровно за мгновение до того, как двери раскрылись на нужном этаже.

В голове звучала одна мысль: это что сейчас было? Комплимент? От Дизайнера Смерти?

Глава 4

Древняя вера говорила, что Старый бог создал человека по образу и подобию своему. Если так, то Мандрогиров создал какой-то другой бог.

Новая вера дала Богу имя – назвав его Эволюцией, а Старая считала – что мы и есть Бог. Точнее, в каждом из нас есть его крошечная частица…

Мандрогиры же выглядели так, будто они издевка над мыслями Бога – раскаленные сгустки изменяющего форму камня с разумом. Словно ожившая магма в жаропрочном скафандре, который оберегал присутствующих в тронном зале от немыслимой температуры тел пришельцев.

Я сидела по правую руку от Ронана и улыбалась самой тупой и беспечной из улыбок, на которую была способна – именно так в моем воображении должна выглядеть идиотка, способная полюбить это чудовище, а про себя все еще продолжала думать…

Делегация инопланетян состояла из трех особей, по крайней мере, именно три скафандра со светящимся содержимым «вошли» в зал.

Почему именно вошли? Как объяснил один из ксенодипломатов, ведший с ними переговоры, в знак дружбы Мандрогиры решили принять форму, близкую с гуманоидной – то бишь отрастить подобие конечностей и головы, правда, рта

у существ не было, и все общение происходило с помощью компьютерных переводчиков.

– Ты же помнишь свою роль? – сквозь улыбку, подобную моей, произнес Ронан. – Чтобы без глупостей.

– Конечно, любимый, – не выходя из роли, замахала я густо накрашенными ресницами, над которыми с утра трудились аж две служанки.

По мне, мои глаза сейчас напоминали двух мохнатых гусениц в стразах, но гувернантки утверждали, что это макияж, достойный императрицы.

Пускай, им виднее.

– Надеюсь, ты родишь мне ребенка. – Ронан остался удовлетворен моим ответом. – Будет неплохо оставить тебя моей женой и дальше. Красивая и умная, по крайней мере, когда тебе это нужно.

– Как будет угодно моему любимому, – продолжала я, а у самой аж сахар на зубах хрустел от приторности и неестественной сладости фразы.

Мандрогиры тем временем приблизились, остановившись в нескольких метрах. Но даже на таком расстоянии я была поражена их исполинскими размерами.

Даже с учетом того, что наши места с Ронаном располагались на высоком постаменте, «головы» инопланетян находились выше наших.

Раздался низкий гул, сопровождающийся легкой вибрацией по полу и стенам, невольно я схватилась за подлокот-

ники кресла и только тогда поняла – что это «гости» начали приветственную речь на своем особом языке.

Тотчас же рядом ожил электронный переводчик:

– Мать Планеты Поющих Камней приветствует Мать Планеты столицы империи и ее мужа. Чистого неба вам над головой!

В зале воцарилась какая-то не очень хорошая тишина. Не сразу, но я поняла, что делегаты стоят с ориентацией не на императора, а сместившись чуть в сторону – ко мне.

Повернув голову на Ронана, я вопросительно уставилась на супруга. И я понятия не имела, что мне делать. Он, судя по лицу, тоже.

Время шло, три исполинские фигуры продолжали стоять и начали немного раскачиваться из стороны в сторону – возможно, так переговариваясь уже между собой.

– Ответь им, – одними губами наконец произнес император.

В полной растерянности я попыталась вспомнить, как и кто ко мне обращался.

– Приветствую вас, Мать Планеты Поющих Камней, – набрав в легкие побольше воздуха, медленно произнесла я, стараясь не выдавать волнения. – Чистого неба вам над головой!

Фигуры перестали раскачиваться, одна из них немного подалась вперед и вновь завибрировала:

– Благодарим за столь величественный прием, Мать Планеты столицы, и просим принять от нас эти дары в знак доб-

рых намерений.

Двери в залу распахнулись, и на левитирующей платформе внутрь въехало несколько десятков контейнеров, под завязку набитые золотыми слитками и какой-то породой.

– На нашей планете эти металлы не настолько редки, как у вас, но мы знаем, как сильно вы цените золото и платину. А также… – Из скафандра вибрирующей глыбы выдвинулся отсек и очень медленно поплыл прямо Ронану в руки. – Мы знаем, что алмазы используются человеческой расой для украшения. Поэтому ваш муж должен оценить их по достоинству. Вне сомнения, они сделают его еще более прекрасным!

В полной растерянности я пронаблюдала за тем, как некое подобие шкатулки все же доплыло до императора, а после эффектно раскрылось – являя миру и ахнувшей толпе с десяток бриллиантов с кулак размером.

Только сейчас до меня начало доходить, что инопланетяне не просто путают меня и Ронана, а вообще меня приняли за главную на этом празднике жизни.

Найдя в толпе глазами побледневшего ксенопсихолога, поняла, что бедняга уже приготовился к смертной казни – потому что иначе, как его оплошностью, происходящее назвать было нельзя.

– Огромное спасибо за эти прекрасные дары, – поблагодарила я, понимая, что спасать ситуацию нужно тоже мне, если не хочу, чтобы вместе с неудачливым психологом по-

страдала и моя няня. Я была наслышана о гневе императора достаточно. – Но сейчас для дальнейших обсуждений я бы хотела передать слово моему мужу – императору Ронану.

Мандрогиры недоуменно загудели.

– Вы позволяете мужской особи разговаривать с кем-то после брака? – Автоматический переводчик умудрился даже передать удивленные интонации. – Вы удивительно милосердны, Мать столицы.

Так и подмывало ответить: «Да-да, я такая! А подскажите, пожалуйста, способ, как заткнуть Ронана и желательно навеки, ведь судя по вашей реакции, у Мандрогиров богатый опыт», – но разум был сильнее глупой импульсивности.

– Мой муж – лучший представитель человеческой расы, – произнесла я. – И он долго готовился к встрече с вами, а также обсуждению ряда вопросов, которые так волнуют наши империи.

«И о которых я ни черта не знаю, – добавила мысленно, – потому что даже сейчас говорю, словно слепая, боясь ляпнуть что-нибудь лишнее».

Ронан поднялся с места и отдал кому-то приказ жестом внести в зал дары для пришельцев уже с нашей стороны.

Я видела, насколько сильно он раздражен, но вида не показывает. И все, о чем я могла думать – это справилась ли я со своей ролью примерной жены? Вроде бы идеально.

Когда император, перетягивая внимание на себя, повел гостей в другой зал показывать какие-то местные диковины,

я все еще продолжала сидеть на троне. Свита двинулась за ним, оставив лишь нескольких стражников в дверях, ну и так не приглашенную «мелочевку».

Про меня словно все забыли.

– А ведь Ронану говорили, что у Мандрогиров ярко выраженный матриархат. – От голоса, раздавшегося над самым ухом, я вздрогнула.

Обернувшись, увидела Дизайнера. Все время церемонии он находился за спиной Ронана, как его лучший охранник и пес, и я успешно о нем не вспоминала все это время. Да и вообще была уверена, что он двинулся вслед за своим хозяином и делегатами.

– Почему вы здесь? – спросила я.

– Кто-то же должен охранять императрицу, и лучше меня этого не сделает никто.

– Вы высокого о себе мнения. Я думала, вы будете и дальше следовать за своим господином или даже участвовать в переговорах. Вы ведь не последняя фигура в империи.

– Я не политик, я – Дизайнер, вижу исход многих событий заранее и не вижу смысла им мешать, – абстрактно ответил он. – А пока встаньте, моя госпожа, я проведу вас в вашу спальню.

Не видя смысла задерживаться в зале, я послушно последовала за ним до уже знакомого лифта. И уже там не удержалась от вопроса.

– Если Ронан знал о нравах Мандрогиров, почему не пре-

дупредил меня заранее? Я бы реагировала иначе.

– Эксперт по этой расе счел, что вашего присутствия в благодушном настроении рядом с императором будет достаточно. Да и сами Мандрогиры прекрасно осведомлены о государственном строе империи. Но им в силу своей культуры сложно принять, что мужчина может быть во главе, а женская особь – лишь его дополнение. У них на планете все иначе. Слишком суровые условия жизни до сих пор требуют от них определенного поклонения тем, кто дарит жизнь. А у камней в этом вопросе все весьма запутано…

– То бишь у них все наоборот? Мужчины носят украшения, а женщины…

– Решают, кто этих украшений достоин.

Я невольно усмехнулась.

В голове предстала совершенно немыслимая картина, как я отбираю у Ронана алмазы, гордо заявляя, что он их не заслужил.

Вот только на душе все равно легче не стало.

– Матриархат и патриархат – это крайности. Не должно быть так.

– А как должно? – заинтересовался Дизайнер.

– На Затурии было равноправие, – вспомнила я. – Нашим поселением руководила женщина, а соседним – мужчина. И все было в порядке.

– Вы сравниваете несравнимое, моя госпожа. Небольшую планету без полезных ископаемых, зато с плодородной поч-

вой и целую империю. На Затурии нечего делить. Она вполне могла бы стать планетой-курортом – если бы не тучи ненасытных насекомых, от которых порой нет спасения.

Тут Дизайнер, конечно, преувеличивал, ибо кому, как не мне, знать, что кроме нашествия гигантской саранчи размером от ладони до локтя на Затурии бояться было нечего. И меня, выросшую среди этих условий, огромным кузнечиком не испугать.

– А в масштабах целой системы планет – расклады сил совершенно иные, – продолжал Хэдок. – Мандрогиры ведь не просто так сюда прибыли.

– Может, поделитесь? – спросила я из любопытства. – Вдруг мне пригодятся эти данные в ближайшую неделю, пока буду играть любящую супругу для Ронана.

– В этом нет никакой тайны. Корабли империи нашли новую звездную систему с двумя планетами, пригодными для жизни. Точнее, для жизни людей пригодна только одна, а вторая идеально подошла бы для наших инопланетных гостей. И они весьма заинтересованы в получении такого ценного ресурса.

– Значит, они прилетели просить планету?

– Можно и так сказать. Империю она не интересует, как невозможная ни для разработки, ни для колонизации. Зато у Мандрогиров есть технологии и драгоценные ресурсы, которые очень нужны нам. Поэтому они приехали совершать бартер.

Теперь стало понятным, о чем говорил Ронан, заявляя, что от визита Мандрогиров зависит благополучие империи на много лет вперед. Интуиция подсказывала: даже непригодную планету дешево он не отдаст.

– Мы пришли, моя госпожа, – доводя до дверей спальни, проговорил Хэдок. – Приятного отдыха.

Уголок моего рта дернулся. Отдых – это даже звучало смешно.

– Вы хотели сказать, приятного безделья. Кроме как сидеть перед зеркалом, в комнате совершенно нечем заняться. Нет даже книг.

– Вы могли бы попросить у мужа позволение пользоваться библиотекой.

Я посмотрела в глаза Дизайнеру, вновь ужаснулась непроницаемой черноте внутри. Вроде бы он вел вполне человеческую беседу, вот только глаза у него не людские.

– Боюсь, плата, которую Ронан потребует за книги, будет слишком высока. Обойдусь без них.

С этими словами я открыла дверь и вошла в спальню.

– Скорее всего, вы правы, – бесцветно согласился Хэдок, закрывая за мной.

Щелкнули замки, надежно отсекая меня от внешнего мира в этой роскошной тюрьме.

Я уже хотела отойти от дверей, когда с той стороны раздалось:

– Господин сегодня не придет. Прием гостей потребует от

него слишком много времени и сил. Поэтому все же – приятного отдыха, моя императрица.

Замерев, я переваривала сказанное, пока сердце беспокойно колотилось в груди от радости.

Пожалуй, это была лучшая новость за все время моего нахождения во дворце.

* * *

Еще никогда в этом месте я не спала так спокойно. Хэдок не обманул.

Ронан не пришел: ни вчера вечером, ни ночью. Я уже успела расслабиться, когда в дверях провернулся замок, и все так же – без приглашения – в комнату вошел доктор Дорнан с пятью служанками. А вот ни Ронана, ни его стражников с ними не было, зато Дизайнер Смерти оказался замыкающим сию процессию.

– Доброе утро, госпожа Эсмиральда, – поздоровался врач и немедленно поспешил прояснить ситуацию. – Император на переговорах с Мандрогирами, однако я обязан проверить ваше самочувствие. Вдруг долгожданная беременность все же наступила.

– Да, пожалуйста, – без особого сопротивления согласилась я. – Если нравится заниматься бесполезной работой, проверяйте.

Когда в комнате не было ни мужа, ни его стражников –

процесс осмотра для моего душевного равновесия проходил как-то более спокойно. Хэдока же я как мужчину не воспринимала. Дизайнерам Смерти ведь абсолютно все равно на противоположный пол, а значит, стесняться его не имело смысла.

Пока лежала на кровати, а Дорнан колдовал надо мной с приборами, задумчиво разглядывала потолок.

Все же как странно устроен человек. Он может привыкнуть абсолютно ко всему, сломаться и вновь срастись под гнетом обстоятельств.

Думать о том, что меня тоже сломали – мне не нравилось, так же как и то, что я стала равнодушно воспринимать многие ужасные вещи в своей новой жизни: унизительные осмотры, приходы Ронана по ночам, я даже улыбаться ему научилась – пусть ради Миленты, но делала это добровольно.

От этого становилось грустно.

– Ну, что там? Чуда не случилось? – лишь бы хоть как-то отвлечься от траурных мыслей, спросила доктора.

– Увы, императрица. Пока нет. Но мы все не теряем надежды.

– Это вы не теряете, а у меня другое мнение по этому поводу, – улыбнулась в знак хоть какого-то протеста. Если мне нельзя дерзить Ронану, то хотя бы с доктором можно отыграться. Чтобы никто не считал, будто я сдалась. – Вы ведь думаете о том же, о чем и я, Дорнан? Никакие попытки не помогут императору завести детей. Ни со мной, ни с кем бы

то ни было еще. Нет во Вселенной женщины, способной от него зачать!

Дорнан промолчал, скупо поджав губы, а я лишь шире улыбнулась, понимая, что права.

Тридцать лет попыток с нулевой результативностью. Вот как ему аукнулось убийство родного брата!

– Я посоветую императору быть настойчивее в своих попытках, – стер улыбку с моего лица доктор. – Он, конечно, не молод, но несколько раз за ночь вполне сумеет!

Это была месть с его стороны, и я прекрасно это понимала. Поэтому едва он ушел, лишь скрипела зубами, перебарывая в себе желание – схватить небьющуюся статуэтку и бросить доктору вслед. Прекрасная идея!

В этот момент привезли завтрак.

Хэдок уже привычно отлип от окна и созерцания солнца, покружил коршуном над тарелками, а после коротко бросил:

– Безопасно!

И никакого «моя императрица» в этот раз. Это было даже обидно в какой-то степени. Неужели я начала привыкать?

– Что-то сегодня кусок в горло не лезет, – процедила я.

Служанки тут же окружили меня в попытке подвести поближе к зеркалу, раз уж завтракать я не собираюсь, но Дизайнер остановил их жестом.

– На вашем месте, дамы, – весьма галантно обратился он к ним, – я бы к ней сейчас не подходил. Госпожа только что едва не убила доктора, с вами же может и не церемониться.

Императрица сегодня не в духе.

Служанки замерли, напуганные предупреждением Хэдока. Еще бы, с Дизайнером Смерти в подобных вопросах лучше не спорить.

– Советую оставить госпожу одну, – намекнул он, подходя к двери. – Вы все можете покинуть комнату вместе со мной.

Стоит ли говорить, что всех камеристок как ветром сдуло из спальни, и, что абсолютно неудивительно, я только была этому рада.

В одном Хэдок оказался прав – сейчас ко мне лучше было не лезть.

Вопреки заявлениям через пару минут я все же потянулась за тарелкой с салатом. Вместе с ней подошла к окну, где еще недавно стоял Дизайнер, и посмотрела в небо.

– Ну и что ты там разглядываешь? – вслух произнесла я, переводя глаза на солнце и тут же зажмуриваясь от боли. – Зар-раза! Может, потому твои глаза такие черные, что их выжгло жаром?

С этими словами я опустила голову и медленно открыла веки, упираясь взглядом в подоконник. Передо мной плясали черные пятна, мушки и световые круги, медленно растворяясь в окружающей среде.

Но одно пятно так и не желало пропадать. Ушло несколько мгновений, чтобы окончательно осознать – оно не исчезнет.

Я отставила тарелку на подоконник и взяла лежащую на нем книгу, которой, черт возьми, тут точно не было!

Небольшая, чуть больше ладони размером, но довольно толстая, с плотным темным переплетом из кожи. «История первого корабля» – прочла я название.

– Хэдок, – выдохнула я, понимая, что кроме него никто не мог здесь ничего оставить.

Я не знала, зачем он это сделал? Чем руководствовался, тайком оставляя ее здесь?

Ведь не зря же вывел всех, чтобы я нашла ее, будучи одна.

Но одно могла сказать точно: книгу отдавать никому не собиралась, так же как и выдавать ее дарителя, зачем бы он это не совершил.

* * *

Поступок Хэдока позволил мне понять несколько вещей: во-первых, в спальне не было скрытых камер, иначе бы он никогда не передал мне книгу, а во-вторых, сделал он это явно без разрешения Ронана.

И в чем был смысл сего действа, от меня по-прежнему ускользало.

Втереться ко мне в ближний круг?

Сомнительно. Я слишком часто обжигалась, делая выводы о людях, чтобы теперь им доверять, тем более цепному псу Ронана.

Да и дата моей кончины уже была, можно сказать, запланирована. Мысленно я уже обвела ее в кружочек и сама бы

не стала заводить с собой никаких связей, потому как бесполезно и не имеет перспектив.

А так как в душевную доброту Хэдока я не слишком верила, вывод напрашивался один – от меня ему что-то нужно. Вопрос только – что именно?

А вот ответ и так был ясен: что бы ни попросил – делать не буду. Книга не та плата, за которую можно ввязываться в сомнительное мероприятие, тем более находясь одной ногой в могиле.

И все же в глубине души я испытывала к нему подобие благодарности. Теперь я могла хотя бы читать тайком в те недолгие часы, когда уходили камеристки, когда покидал Ронан после секса, и я оставалась одна.

А дни тем временем шли.

Несмотря на прилет Мандрогиров, меня по-прежнему продолжали держать в спальне. Видимо, мой муж счел, что официального приема с меня было достаточно на текущем этапе «любовного спектакля», во всем остальном – как и обещал доктор Дорнан – гад-муженек стал проявлять удивительную активность, приходя ко мне не только ночью, но и днем.

А вот Нинат и Кимат стали заглядывать реже. Как сказал на одном из осмотров доктор: нужно менять позу, а посему попросил обойтись без «фиксирующих устройств».

В общем-то, я и не сопротивлялась особо. Просто терпела, позволяя иметь себя и вертеть при этом как угодно. Мыс-

ленно уже знала, что скоро все закончится.

– Ты присмирела, – похвалил меня сегодня Ронан, вставая с кровати и застегивая брюки. – Покорность тебя украшает.

Я промолчала и просто отвернулась, закутываясь в покрывало. Императору ведь не нужны мои ответы, а только тело. Не рассказывать же ему, что все в моей жизни стало неважным, а поведение продиктовано только страхом не навредить Миленте. Она, в отличие от меня, останется жить.

– Думаю, стоит поощрить тебя за хорошее поведение, – продолжал рассуждать вслух узурпатор. – Что скажешь насчет прогулок по саду?

– Скажу, что не верю в вашу доброту, – ответила, не оборачиваясь. – И спрошу, что потребуете взамен?

Он рассмеялся.

– И все же ты умная. Намного умнее всех тех, кто был до тебя. Но это даже не удивительно. Урсун не мог подобрать пустышку для своего сына, а значит, еще тогда разглядел в тебе что-то особенное.

– Я была младенцем – чистым листом. Вряд ли мертвый император мог что-то во мне почувствовать в то время. Если же речь о моем образовании, то это скорее заслуга Миленты и воспитания. Так что вы хотите за прогулки?

– Твою подпись на договоре с Мандрогирами, – сухо обронил Ронан.

Я же обернулась, чтобы посмотреть, не шутит ли он сейчас надо мной.

– Зачем им подпись бесправной императрицы? И почему вы не пошли обычным путем и просто не принудили меня это сделать?

Ронан глубоко вздохнул и пересел в кресло, в котором любила сидеть я – теперь придется подыскать себе новое место.

Закинув ногу на ногу, муж медленно скользнул по мне взглядом, прежде чем ответить:

– Из тебя вышла бы прекрасная императрица. Не теряю надежды, что ты сможешь подарить мне сына или дочь. А на твой вопрос ответ прост. – В этот момент он скрипнул зубами и крепко сжал подлокотники. – Как бы ни было странным признавать, но меня эти существа не воспринимают. Хотя при этом прекрасно понимают, кто именно в империи главный. На подписание договора они согласились только при условии, что там будет стоять и твоя подпись тоже. Причем поставленная добровольно. Оказывается, они умеют чувствовать настроения людей. Камни-эмпаты – дурная насмешка эволюции! Кстати, если тебе интересно, ксенопсихолога я уже приказал наказать за непрофессионализм.

Мне тут же стало жалко беднягу. Не факт, что он был виноват в произошедшем, а вот наказание наверняка было ужасающим и, скорее всего, болезненным.

– И вы решили обменять мою подпись на прогулки? – уточнила я.

– Да, в конце концов Дорнан тоже настаивает, что тебе необходим свежий воздух.

– А не боитесь, что я сбегу? Или сотворю какую-нибудь глупость? Например, утоплюсь в императорском пруду. Или меня убьет кто-нибудь из ваших врагов?

Он покачал головой.

– Я приставлю к тебе того, кто не допустит ни одного из этих исходов.

– Хэдока? – догадалась я.

– Хэдока, – подтвердил Ронан. – Либо с десяток стражников. Я еще не решил, где Дизайнер будет нужнее, рядом со мной или в числе твоей охраны.

На несколько мгновений я задумалась. Предложение все же было заманчивым, даже несмотря на подводные камни. Подписать договор было несложно. В конце концов, это будут уже проблемы Ронана, особенно после моей смерти. А вот получить возможность хотя бы немного походить по настоящей земле и траве – было бесценно.

– И еще доступ в библиотеку, – добавила я, раз уж представилась возможность. – Прогулки в саду и книги.

Ронан вскинул бровь, а после равнодушно пожал плечами:

– Не вижу причин для отказа. Подписание завтра после обеда.

– Хорошо, – довольно легко согласилась я и все же решила спросить: – Могу узнать хотя бы, о чем договор? Из-за чего вы решили пойти на ТАКИЕ уступки?

Ответил Ронан неохотно, а перед этим долго медлил, будто сомневаясь, нужно ли мне вообще сообщать.

– Золото, платина, иридий и другие ценные ресурсы в эквиваленте веса ненужных нам планет, которые хотят Мандрогиры. Это баснословные ресурсы, упускать которые империя не может себе позволить.

У меня округлились глаза от масштабов сделки. Как дорого, однако, стоит моя подпись.

– Кажется, я продешевила с прогулками. Нужно было просить что-нибудь посущественнее.

– Например? – заинтересовался Ронан.

Очень хотелось ответить «жизнь», вот только я уже знала – бесполезно.

– Неважно, – скупо ответила и лишь сильнее завернулась в покрывало.

Ронан еще несколько мгновений смотрел на меня, что-то решая, а после просто поднялся и покинул комнату, закрыв за собой двери.

Я же выдохнула с облегчением, все же жаль, что нельзя было попросить у императора взамен на подпись его личную смерть.

Очень-очень жаль.

* * *

Полдень.

Солнце светит невыносимо жарко, припекая в макушку, что особенно ощутимо с моими темными волосами, но я да-

же рада этому.

Наконец-то я не в спальне на вершине пирамиды, я у ее подножия – в императорском саду. Сижу на одной из скамеек, метрах в десяти от меня стоит пятерка стражей, а вот Хэдока нет…

Но мои мысли текут дальше.

Этот сад – словно оазис посреди огромного Гризальда. Будто кусочек моей Затурии, перенесенный сюда – здесь все утопает в зелени растений, щебечут птицы, журчит тоненький ручеек между оросительными фонтанами. Все слишком по-райски, поддельно идеально, но я все равно наслаждаюсь.

Поднимаю лицо к солнцу, закрываю глаза и впитываю его лучи – почти так же, как это делает Хэдок, разве что я, в отличие от него, не умею смотреть на звезды открыто.

Подписание договора через час, а эта прогулка – мой аванс. Именно так выразился Ронан, когда пришел на утренний осмотр.

«Значит, где-то подвох», – поняла я, не веря в щедрость супруга.

Поэтому даже сейчас, дыша воздухом свободы, не могла позволить себе расслабиться. Где-то на краю сознания я оставалась настороже.

Для себя все же решила, что должна прочитать текст договора, прежде чем подписывать такие документы. Судьбы планет, пусть даже бесполезных, нельзя отдавать в руки другой расы, не вникая. С другой стороны, мое «ценное» мне-

ние вряд ли кого-то заинтересует.

Что-то перекрыло солнечный свет, падавший мне на лицо. Наверное, туча.

Пришлось открыть глаза и обнаружить там Дизайнера. Все же его бесшумные движения могут напугать кого угодно.

– Вы загородили мне свет, – произнесла я.

– Прошу прощения, моя императрица, вы позволите мне сесть рядом?

Сощурившись, смерила Дизайнера взглядом. Можно подумать, я была той, кто может ему что-то запрещать. Но все же кивнула.

Он приземлился на другой конец скамейки, качнув при этом в мою сторону воздух с ароматом окружавших цветов. Уже привычно Хэдок задрал голову и уставился на солнце.

– Император отправил меня охранять вас, а после отвести на церемонию подписания.

– Представьте, я догадалась. – Я отвернулась от него и вновь подставила лицо теплым лучам.

Мне нравилось ощущение их касаний на коже, а также темные и светлые круги, которые возникали под закрытыми веками.

Тишина вокруг расслабляла, я почти растворилась в этом умиротворении, когда Хэдок вновь заговорил:

– Не подписывайте.

Его фраза заставила меня вздрогнуть, распахнуть глаза и повернуть голову в сторону мужчины.

Он, в отличие от меня, продолжал пялиться на солнце.

– Это вам тоже император приказал передать? – спросила я.

Хэдок молчал, чего-то ждал, а потом все же произнес:

– Пункт 309 дробь 18, обратите на него внимание, моя императрица.

– Что там? – потребовала немедленного ответа я, шепча при этом так, чтобы не услышали остальные стражники.

– Вы должны увидеть это сами.

Он приготовился встать, но я запоздало схватила его за руку, тут же пугаясь собственной беспечности. Ведь могла бы и умереть, если бы он захотел.

– Как вы это представляете? – еще более возмущенно спросила я. – Что бы там ни было, я не могу сорвать подписание! Ронан прикончит Миленту. Себя-то мне не жаль, да и что ему потом помешает заставить свою следующую жену подписать?

– Мандрогиры видели вас и ни с кем другим заключать договор не станут. Что же касается Миленты, ваша нянечка с семьей покинула Гризальд и улетела обратно на Затурию. Ее свободу вы выторговали своим хорошим поведением и игрой в любовь для императора. Сейчас же вы рискуете лишиться только прогулок и вызвать гнев господина.

– Господина? – переспросила я, испытывая сомнения в том, что Дизайнер сам верит в сказанное. – Чего вы добиваетесь, Хэдок? На кого работаете? Явно не на Ронана.

Уголок рта собеседника дрогнул, и я увидела усмешку, тонкую и тут же исчезнувшую.

– Я – Дизайнер Смерти, моя императрица. И я не работаю ни на кого, кроме себя. А сейчас прошу простить меня, госпожа Эсмиральда, но прогулку придется завершить. Подписание через двадцать минут. Вам нужно быть там.

* * *

Передо мной почти трехсантиметровой толщины фолиант. Чуть в стороне еще два таких же. Это экземпляры договора с кучей приложений к нему и тысячами уточняющих пунктов.

Я уверена, что над составлением этого труда работали самые лучшие специалисты империи, и я не имею ни малейшего права цепляться хоть к какому-то из пунктов. Более того, я даже не сумею их все прочесть за предоставленное мне время.

Ронан сидит по правую руку от меня, Мандрогиры напротив в конце зала, покачиваются гудящими колоннами и ждут, когда же я прикоснусь вначале в индикатору личности, а затем оставлю его отпечаток на бумаге.

– Я могу хотя бы несколько пунктов прочесть? – спрашиваю у Ронана.

Тот косится на инопланетян, а после, улыбаясь, роняет:

– Конечно, милая.

Переворачиваю страницы, цепляю отрывки фраз и ищу тот самый пункт 309/18. Он находится в середине. Речь о планетах, которые достанутся Мандрогирам после заключения сделки.

Я пытаюсь вникнуть в текст, потому что здесь нет названий, лишь цифровые коды планет и систем, где они расположены. Всего пять объектов, четыре из которых мне незнакомы, но пятый заставляет перечитать пункт трижды.

А после я захлопываю фолиант и поворачиваюсь к Ронану. Внутри кипит негодование вперемешку с безысходностью. Потому что вряд ли сумею сделать хоть что-то.

– Вы сказали, все эти планеты не пригодны для жизни! – обвинительно говорю я.

И самое странное, он сразу понимает, о чем идет речь.

– Я сказал, что все планеты бесполезны для империи.

– Затурия не бесполезна. На ней выращиваются сотни съедобных культур, более того – она обитаема! – продолжаю я. – Как она вообще оказалась в этом списке?

– Затурия, – сдерживая шипение, пытается пояснить мне Ронан, – кроме почвы не имеет никаких преимуществ. Она расположена далеко от торговых путей, не имеет полезных ископаемых, и самое главное – она заменима другими колониями. Ее главный плюс – огромная масса, за которую наши гости готовы платить. Экономисты все просчитали, минусов у этой сделки гораздо меньше, чем плюсов.

Помотала головой.

– Нет, – выдохнула я. – Прогулки по саду не стоят целой планеты. Я не буду это подписывать.

Мне пришлось поднять голову на Мандрогиров, чтобы задать вопрос уже им:

– Зачем вам планета 321–*36152*? Она же не подходит для вашей расы?

Гости низкочастотно завибрировали, и я приготовилась услышать что-нибудь в духе о глобальном терраформировании, когда электронный переводчик выдал:

– Она зеленая. Это удивительно. В нашем мире так мало зеленого, что мы стараемся беречь его, чтобы просто смотреть.

– Смотреть? – переспросила я. – Вы ведь не сможете даже находиться на той планете без скафандров.

– Насколько мы знаем, ваша раса со своими предметами искусства тоже работает в перчатках. Так почему мы не можем смотреть на красивое в скафандре?

Мне опять вспомнилось, что Мандрогиры слишком не похожи на нас. Слишком другие у них ценности и взгляды, но даже это не давало мне права подписывать договор на обмен Затурии за золото.

На планете ведь живет столько людей, они не захотят просто так покидать свое жилище только потому, что это выгодно Столичной планете.

– Я не буду подписывать, – еще раз произнесла я, глядя на мужа. – Я уверена, есть другие зеленые планеты, где не

живут люди, и которые устроят наших гостей. Нужно только поискать.

Судя по раздувшимся ноздрям Ронана, отвечать за эту фразу я буду очень болезненно.

А вот гул Мандрогиров был особенно громок, так же как и удивительно радостное восклицание компьютерного переводчика:

– Именно поэтому мы и настаивали на подписании договора вашей супругой. Мать Планеты никогда не отдаст ее, не убедившись в безопасности ее жителей. Мы, в свою очередь, подождем иных условий и замен.

Глава 5

Горячая оплеуха обожгла щеку.

– Дура! – в бешенстве почти прокричал Ронан и тут же отошел от меня подальше, явно боясь убить сгоряча раньше времени. – Ты хоть соображаешь, что натворила?

– Спасла планету, – сдерживая слезы от боли и чувствуя легкий привкус крови во рту, ответила я.

Кажется, прикусила язык.

– Рассчитываешь таким способом продлить себе жизнь до следующего прилета Мандрогиров?

– Даже в мыслях не было, – проговорила чистую правду.

Ронан вновь приблизился, схватил меня за горло и, сжимая пальцы, протащил до кровати, чтобы швырнуть в подушки:

– Признавайся, кто тебя надоумил? Ты знала, что искать в договоре, кто-то тебе подсказал!

Я улыбнулась: нагло и во весь рот. Наверное, потому, что выдавать Дизайнера не собиралась. Хотя бы потому, что если Хэдок мне не друг, то и Ронану он тоже не союзник.

– Вы же сами говорили, я умная. Так почему мне кто-то должен подсказывать, если я в состоянии сама найти необходимые пункты? Вас выдала ваша излишняя щедрость. Вы не похожи на доброго человека, и я начала искать подвох.

– Дура, – еще раз повторил он. – Неужели ты думаешь,

что мы не просчитали все моменты, касающиеся потери Затурии? Выгода была колоссальна, а теперь… – Он отошел от кровати, сел в кресло и задумчиво уставился на меня. – Пороть тебя бесполезно, боли ты не боишься. Убивать в наказание раньше срока тоже нет смысла. Смерть тебя не пугает. Даже шантажировать Милентой уже поздно. Мандрогиры все равно улетели и на новые переговоры вернутся только через два месяца. К этому сроку тебя уже не будет в живых.

Он продолжал рассуждать вслух, я же поражалась его холодности. Конечно же, я знала, что для него я всего лишь очередная марионетка, на которую возлагались большие надежды. Но кажется, после сегодняшнего срыва договора мне заранее подписали приговор.

– Интересно, Мандрогиры сильно расстроятся, когда прилетят обратно и увидят вместо меня другую вашу жену? – наугад бросила я. – Наверное, они даже поинтересуются деталями моей смерти.

– Красиво и церемониально – ты не заслужила, – непринужденно ответил Ронан, вставая и поднимаясь в полный рост. – Скорее всего, несчастный случай. Думаю, этот вариант их устроит. Так же, как и Затурия, которую я все равно им отдам, потому что равнозначных замен этой планете нет, и Чужие об этом знают.

– Думаю, вы плохо искали.

– Думаю, ты слишком много говоришь, – зло бросил он, приспуская брюки, и мне вдруг стало страшно настолько

сильно, как было только в первую ночь. – Пожалуй, я найду твоему глупому рту лучшее применение. Может, тогда в следующий раз ты подумаешь, прежде чем его открывать!

* * *

Он ушел только под утро.

Я же чувствовала себя растерзанной и уничтоженной, брошенной тут на кровати то ли умирать, то ли существовать оставшееся мне время.

Он не бил меня. Сегодня Ронан взял себе все то, что был вправе брать.

– Твое тело – мое тело, – повторял он, имея мой рот, а после, не обращая внимания на крики, и зад.

Это было извращенно, неправильно, грубо и противно. Но он так наказывал меня за непослушание, способом, который счел достаточно жестоким.

Зато кончал он именно туда, куда приказала мать-природа.

– Мое семя слишком ценно, чтобы тратить его без смысла – напоследок бросил он и хлопнул дверью.

Как уснула, не помню, а может, даже и не спала, просто сознание отключилось, пока я все еще лежала с открытыми глазами и боялась, что Ронан вернется.

Но он не пришел.

Ко мне вообще никто не пришел.

Ни служанки, ни Дорнан, ни Хэдок.

Я бы решила, что про меня вовсе забыли, но в привычное время в комнату уже знакомый слуга принес завтрак. Оставил тарелки у кровати и молча ушел, закрыв за собой двери.

Так я поняла: на мне окончательно поставили точку.

Сколько там осталось до конца отведенного месяца? Чуть больше недели? Видимо, Ронан решил: хватит с меня даже тех почестей, что были.

Кое-как я доползла до ванной, сумела отмыть себя, но облегчения это не принесло.

К еде я тоже не притронулась, разве что выпила воды.

Надеюсь, теперь, когда я в немилости, кто-нибудь из врагов Ронана решит меня отравить, раз еду больше не проверяют. Возможно, эта смерть будет легче, чем та, которую уготовил мне супруг.

От этих мыслей меня лишь немного отвлекло чтение книги, которую принес Хэдок. Теперь я была готова залистать ее до дыр, вчитываясь в каждую букву и запоминая. Эти новые знания вряд ли принесут мне теперь пользу, но история первого корабля, прилетевшего на эту планету, хотя бы чуть-чуть позволяла мне забыться.

Людям, потерпевшим здесь крушение больше тысячи лет назад, было куда страшнее и тяжелее, чем мне. Большинство членов экипажа погибло при экстренной посадке, их криокапсулы были повреждены, оставшиеся в живых выбрались на поверхность и встали перед выбором – пытаться чинить

корабль или строить дом здесь. И тогда Альтазар – первый из Дизайнеров Жизни – принял решение остаться на этой планете. Именно этот человек после стал первым главой колонии и дал начало императорскому дому.

Я читала книгу уже в пятый раз и, казалось, скоро выучу каждую ее фразу, а меня все больше начинал мучить вопрос: почему нигде не было сказано, откуда летел корабль, а, главное – куда?

Почему, потерпев крушение, экипаж не послал сигнал бедствия туда, откуда вылетал? И где в таком случае материнская планета нашей расы?

Наверняка ответы на все эти вопросы были в библиотеке, в которую мне теперь путь заказан, а я просто не знала этих общеизвестных фактов в силу своего неполного образования на Затурии. Милента, хоть и была прекрасным учителем, но даже она не могла все знать и обучить всему на свете.

Когда за дверьми раздался шорох, я едва успела спрятать книгу под подушку, прежде чем в комнату вошли уже знакомые Нинат и Кимат, а за ними внесли пыточный фиксатор.

– Мы думали, ты умнее, императрица, – не утруждаясь приветствиями, усмехнулась старшая из сестер. – Господин был удивительно к тебе благосклонен, но ты умудрилась подвести его в такой мелочи, как оставить подпись на договоре.

– Он собирался продать планету с людьми Мандрогирам, – прошипела я.

– И планы его не поменялись, – ответила Кимат. – Ты

лишь показала собственную глупость и отсрочила неизбежное на пару месяцев. А сейчас ложись лучше сама, не заставляй нас применять силу.

Я скривилась. У меня был выбор: засунуть голову и руки в фиксатор добровольно, либо поиграть в гордость, но все равно быть заточенной в ремни и распорки. В последнем случае при сопротивлении я рисковала книгой, лежащей под подушкой. В пылу борьбы ее вполне могли обнаружить.

Поэтому мой выбор был очевиден.

– А как же то, что Ронан любит совершенных? – усмехнулась я, когда мою шею плотно зажали в деревянных тисках. – Неужели потерял вкус? Я же не накрашена, заплакана и… О УЖАС! Мои волосы не уложены!

Сарказм так и лился из моих уст, и я ни разу не жалела, что своим внешним видом буду шокировать чувство прекрасного у этого урода.

– Не беспокойся, императрица. Ронан предусмотрел это. – Возникшая перед лицом Нинат развернула какую-то тряпку, хорошо еще, что чистую. – Ткань неплотная, не задохнешься!

С этими словами она довольно грубо натянула на меня мешок, перекрывая обзор и оставляя наедине с собственным дыханием.

– Будь умничкой, – похлопав меня по плечу, пожелала Нинат. – Хотя это явно не про тебя.

* * *

Сестры не успели уйти, когда, если судить по хлопку двери, в комнату вошел еще кто-то.

– Вы как всегда оперативны, – едва ворочающимся языком произнес Ронан.

Опять пьяный, но, похоже, не настолько, чтобы просто рухнуть спать.

– Рады служить вам, господин, – синхронно ответили сестры. – Ваша жена готова.

– Вижу, – буркнул он. – Можете быть свободны.

Вновь хлопнула дверь.

Я осталась в спальне одна с монстром.

Чувства обострились во сто крат. Мне даже показалось, что в отсутствие зрения я слышу каждый шорох.

Ронан же пока все еще стоял у двери, а после, сделав несколько шагов, судя по грохоту, задел что-то на столике. А может, и сам рухнул.

– Надеюсь, когда-нибудь ты все же сдохнешь, – не сдержавшись, прошипела я. – Сам или поможет кто-нибудь.

– Я уже сдох, лет тридцать назад, – зло бросил он и все же подошел ближе.

Долго возился с брюками, после еще дольше пытался в меня попасть. Но, похоже, от алкоголя член был настолько плох и безжизнен, что спустя минут пятнадцать мучений Ро-

нан сдался и просто отошел.

Я слышала, как он упал в кресло, а после захрапел.

Взвыла.

Пожалуй, из всех исходов ночи – этот был не самым плохим, но и перспектива остаться привязанной до утра не могла меня воодушевлять.

Я пыталась звать на помощь, кричала охране за дверью, но никто так и не явился.

Руки и ноги затекли, я окончательно потеряла надежду кого-то дозваться, потому что ответ был прост.

Пока Ронан здесь и не даст приказа, никто не придет. А он спит…

Я плакала от бессилия, после успокаивалась, считала до тысячи и вновь плакала уже от боли, а может, от ее отсутствия – потому что уже не чувствовала ни рук, ни ног.

От интенсивного мотания головой мне все же удалось избавиться от мешка, иначе, наверное, задохнулась бы. Так шли часы… Я охрипла, а руки приобрели цвет земли.

За окном уже светало, когда храп Ронана прервался и краем глаза я увидела, как этот урод вздрогнул во сне и открыл глаза.

Несколько мгновений ушло у него на анализ ситуации, а после он не то чтобы спешно, но все же поднялся с кресла и дошел до выхода, бросив кому-то в коридоре:

– Дорнана сюда.

Врач примчался спустя минут десять, было похоже, что

его подняли прямо из постели, и он, наспех запахнувшись в халат, прибежал сюда.

Ему хватило мимолетного взгляда на мои почти иссиня-серые руки и ноги, чтобы все понять:

– Сколько она провела в этой позе?

Ронан ответить затруднился, я же сквозь слезы выдавила:

– Около пяти или шести часов.

– Дело дрянь, – выдохнул Дорнан, но все же принялся медленно распутывать ремни. – Очень длительное нарушение кровотока. Император, это может иметь плачевные последствия для вашей супруги!

– Через неделю у меня будет новая, – сквозь зубы бросил тот. – Или даже раньше, если все будет действительно плохо.

– Скотина. Это все из-за тебя! – дрожащими губами выплюнула я в лицо супругу.

Мне было смертельно больно, когда доктору все же удалось высвободить конечности.

– Или даже раньше, – холодно добавил к своей предыдущей реплике Ронан и произнес уже Дорнану. – Какие варианты исходов?

– Все зависит от того, начался ли некроз тканей. Если да, то я затрудняюсь давать какие-либо прогнозы.

Дорнан растирал мне руки, и как бы я ни ненавидела этого человека, но сейчас мне хотелось чувствовать его прикосновения. Чтобы пронзающая боль прошла, и я ощутила хоть чьи-нибудь руки…

– Возможно, проще будет добить, чтобы не мучилась, – видя, как я корчусь на простынях, проявил подобие «милосердия» Ронан. – Она все равно не беременеет, есть ли смысл в таком случае ждать еще неделю?

Дорнан на мгновение прекратил растирания и посмотрел на хозяина:

– Мой господин, позвольте мне вначале хотя бы выяснить, настолько ли все ужасно с императрицей? Решение о ее смерти или жизни вы всегда успеете принять. Касаемо оставшегося времени – не стоит спешить. Еще есть шансы. Вам ли не знать, что жена Урсуна забеременела от него лишь в последние дни их медового месяца.

– Знаю, – проскрежетал Ронан. – Тогда лечи императрицу.

Он направился к выходу из спальни, но уже у самого выхода его догнала просьба Дорнана:

– Я могу перевезти императрицу в медицинский блок для диагностики?

– Нет, – не оборачиваясь, ответил Ронан. – Он недостаточно защищен.

– Тогда могу ли попросить вас вызвать Хэдока? Он сможет определить некроз тканей, я же бессилен без специального оборудования.

Император ничего не ответил, просто вышел и хлопнул дверью.

Секунды растянулись в вечность.

Старик-доктор продолжал пытаться вернуть моим рукам

чувствительность, а я кусала губы в кровь, когда внутри что-то прорвалось. Я позорно разрыдалась, жалея саму себя, не понимая, почему именно мне все это досталось, и прекрасно осознала одно – не хочу умирать.

Вот что бы себе ни говорила, как бы ни храбрилась, но я хотела жить! И сейчас, когда смерть нависла надо мной гораздо раньше оговоренного срока, это стало особенно ясно.

– Вот выпейте. – Доктор сунул мне под нос резко пахнущую жидкость. – Успокоительное, на травах.

Проглотила, закашлявшись, чувствуя на языке отнюдь не вкус настойки из растений, а крепкий алкоголь.

– Не смотрите на меня так, – произнес Дорнан. – Иногда лучше спирта в качестве успокоительного и анестетика ничего нет. Кроме того, он умеет лечить душу.

– Тогда у Ронана она изрядно изранена, – саркастично выплюнула я. – Никак не излечится бедняга.

– Вы язвите, а значит, не все так плохо, – улыбнулся Дорнан. – Я бы сказал, что жить будете. Но сами понимаете, не я решаю.

В этот момент двери спальни вновь открылись, впуская медленно зашедшего Хэдока.

Он, в отличие от доктора, этой ночью будто и не спал. Был, как всегда, одет в черный камзол, вид имел одновременно собранный и отрешенный.

– Господин сказал, что вам необходима моя помощь, Дорнан, – даже не глядя в мою сторону, обратился он к врачу.

Старик отпустил мою руку и поднялся с кровати, кивнув Дизайнеру на меня.

– Конечности потеряли чувствительность. Проверь, есть ли шансы? Или уже начался некроз, и нет смысла даже начинать лечение.

Хэдок просто приблизился к кровати, распростер ладонь над моей рукой и медленно провел сверху.

Я почему-то смотрела на него с надеждой, будто не на мужчину, способного убивать, а на чудотворца. Он же, черт возьми, все же Дизайнер Смерти, почти сверхсущество, может то, чего не могут другие. Так почему бы мне не надеяться на невозможное? Зачем-то же он принес мне книгу, зачем-то подсказал о пунктах по Затурии?

Я всхлипнула.

– Ну, что там? – нетерпеливо спросил Дорнан.

– Пока ничего. Я могу коснуться вас, императрица? – Хэдок все же соизволил посмотреть на меня.

И я кивнула. Пусть уже делает что хочет, в моей памяти еще был свеж момент, как он подхватил меня на руки в тюрьме, и мои ощущения от этого. Быть может, они повторятся.

Очень осторожно кончиком пальца мужчина дотронулся до костяшки на моем запястье.

– Что-нибудь чувствуете? – спросил он.

Я покачала головой.

– А так? – Он надавил сильнее, но я лишь могла прошипеть:

– Нет. Ничего.

Это звучало смертельным гонгом в моих ушах. Будто я признавалась в собственном бессилии.

– Тогда мне очень жаль. – Хэдок склонил голову к плечу и, глядя мне в глаза, всей пятерней схватил меня за ладонь, переплетая наши пальцы.

Меня будто током прошибло.

Не эфемерным, а самым натуральным. Словно молния в миллион вольт, которая могла превратить меня в пепел, но не успела, потому что Дизайнер за мгновение до смерти выпустил мою руку из своей.

Я все еще кричала и трясла рукой, когда он отошел от кровати на шаг и, взглянув на Дорнана, выдал:

– Чувствительность на месте. Приступайте к лечению.

Глава 6

Боль медленно отступала.

А я вновь пыталась немного пошевелить пальцами или почувствовать подушечками фактуру хоть какого-то материала, и ничего не происходило. На Хэдока я смотрела при этом как на садиста, хотя головой понимала: я должна быть благодарна за эту жуткую боль. Ею он показал доктору, что в моих руках еще есть нервные окончания, которые можно спасти.

– Тогда я распоряжусь, чтобы из моего кабинета доставили сюда нужное оборудование и лекарства, – произнес Дорнан. – Теперь императрице нужно несколько дней полного покоя. Необходимо выяснить, дает ли терапия результаты.

– Покоя? – с надеждой переспросила я.

– Да, – подтвердил доктор. – Только вы зря радуетесь, госпожа. Времени на зачатие у вас осталось мало, и куда благоразумнее было бы воспользоваться последними днями с пользой. Мы же будем вынуждены упустить этот шанс.

Поджав губы, я промолчала.

За неимением выбора я бы предпочла свои последние дни и вовсе не видеть Ронана, чем «пользоваться шансом». Хотя жить мне теперь хотелось. Пожалуй, еще никогда за свои годы я так ярко не ощущала это желание бороться до последнего.

Могла ли я сбежать?!

Увы, нет. Я была реалисткой.

Ноги и руки меня не слушались, а двери и окна в спальне по-прежнему крепки. Единственным способом сохранить жизнь оставался самый ненавистный – забеременеть от Ронана, что претило моему существу. Да и, судя по всему, было попросту невозможно.

– Доктор Дорнан, – пока еще он не ушел, спросила я. – Вы утверждаете, что Ронан способен иметь детей, значит, проводили исследования. Так почему никто ни разу не пытался сделать ему ребенка с помощью искусственного оплодотворения?

– Вмешательство в репродуктивный процесс в отношении императорской семьи под запретом еще со времен Альтазара, – будто учитель истории, объяснил Дорнан и так общеизвестный факт.

– Не смешите. Запрет, конечно, есть, – отмахнулась я. – Но я не верю, что Ронан ему следовал. Попытки наверняка были, мне-то можете не лгать.

– Вам лучше спросить об этом у Хэдока, – загадочно ответил доктор. – Но попытки, конечно, были, я лично пытался около пятидесяти раз.

Я перевела взгляд на Дизайнера. И почему-то не удивилась, когда обнаружила его опять у окна, пялящегося на восходящее солнце. Интересно, что он будет делать, если однажды светило скроет тучами?

– Хэдок, – окликнула его я. – Вы слышали мой вопрос?

Можете на него ответить?

– О самых первых попытках мне ничего не известно, – не поворачиваясь, произнес он. – Меня тогда не было при дворе. А все последние заканчивались неудачей. Эмбрионы гибнут спустя несколько часов после слияния семени и яйцеклетки. Генотип потенциальной матери должен идеально подходить к генотипу императора.

– Чушь какая-то, – скривилась я. – Почему у обычных людей нет таких проблем?

– Потому, что императорская семья никогда не была обычной. Прямая ветвь от самого Альтазара – а это само по себе уже необычно.

– Чем именно? – не унималась я.

– Например, тем, что это единственный выживший род, берущий начало от одного из членов экипажа первого корабля. Больше никого не осталось.

– Это ничего не значит. Столько лет прошло, нет ничего странного в том, что остальные рода вымерли. Но мы ушли от темы, что не так с императорским генотипом, если нужна какая-то особая девушка? И все ее ищут методом случайного подбора.

Дизайнер наконец отвел взгляд от окна и перевел его на меня:

– Если бы Дизайнер Жизни остался жив, то проблемы в поиске не было бы. Что же касается ответа, почему никто не подходит, то он на поверхности. И если вы хорошенько

вспомните историю, подумаете, наверняка догадаетесь сами. А пока воспринимайте как данность.

Если бы у меня было настроение препираться, я бы сейчас начала это делать. Потому что не понимала, к чему все эти загадки.

– А сейчас прошу извинить, моя императрица, – поспешил откланяться Хэдок. – У меня дела.

Он уже был у двери, когда я его окликнула:

– Вы сказали, что род Альтазара – единственный выживший за эти годы. Но ведь есть еще Дизайнеры Смерти. Один из вас всегда был рядом с членами дома Жизни.

– Но мы почти не люди, – ответил Хэдок. – У Дизайнеров Смерти не бывает детей. Хотя мыслите вы верно, госпожа. Мы все в той или иной степени дети Первого Корабля.

* * *

Когда я жила на Затурии, иногда мечтала, что однажды мне удастся вырваться оттуда на другую планету. Не навсегда, а ненадолго. Посмотреть, отдохнуть, набраться новых впечатлений.

В своих мыслях я выбирала для этой цели не столичный Гризальд с его пирамидами до неба, огромными храмами, широкими улицами и миллиардами жителей, а более тихий Сингард. Мир, открытый раньше всех после крушения Первого Корабля, когда нашей новой цивилизации вновь уда-

лось выйти в космос.

Сингард был подобен бесконечному морю с редкими клочками суши и с атмосферой из азота и кислорода. У местных колонистов первые годы были сильные проблемы с адаптацией, но со временем они привыкали, и все последующие поколения уже никуда не хотели уезжать из своего водного мира, предпочитая принимать гостей у себя и проводя им экскурсии.

Я же разглядывала картинки в книгах о той планете, любовалась огромными рыбами, неведомыми существами из глубин и мечтала, как увижу когда-нибудь все собственными глазами. Но Милента не отпускала, говорила, что нечего мне делать в других мирах.

И теперь я понимаю ее, видимо, няня опасалась, что меня найдут люди императора.

А я все равно продолжала мечтать, слишком идеализируя другие планеты.

Мечта сбылась, но криво.

Другой мир – Гризальд – оказался жестоким и далеким от курорта, зато впечатлений я набралась тут массу, и вот… даже отдыхаю. Перед смертью, так сказать.

Последние два дня я провела, лежа на кровати под капельницами и присмотром немой медсестры Лоды, которую привел Дорнан. Именно она помогала мне, когда нужно было справить естественные надобности, и отводила в ванную комнату, она же причесывала и умывала. Правда, в отличие

от моих прежних служанок, Лода делала это бесхитростно, без всякий красивых подвывертов. Медсестра просто аккуратно выполняла свою работу.

Со мной она общалась жестами, считывая ответы по губам. Чем-то она напоминала мне Миленту, наверное, искренностью. По крайней мере, именно у нее в глазах впервые за долгое время я прочла настоящую заботу.

Дорнан приходил несколько раз в день, проверял мое самочувствие, цокал языком и уходил. А вот Хэдок не приходил ни разу, так же как и муж.

И если в последнем случае я была только рада, то Дизайнеру Смерти мне хотелось задать много вопросов.

К вечеру второго дня терапия начала давать плоды, я впервые почувствовала под пальцами фактуру простыней.

– Отлично, – сказал вызванный Лодой доктор. – Значит, уже завтра к вечеру ваше самочувствие будет позволять вам принять у себя императора.

Меня аж передернуло от такой «прекрасной новости».

– Не кривитесь, императрица, – заметил реакцию Дорнан. – Если хотите жить, должны понимать, что у вас остались считанные дни, а значит, вы должны настроиться и, возможно, даже постараться сами.

Жаль, я не умею сжигать взглядом или убивать прикосновением, иначе сделала бы сейчас это с доктором.

– Если бы вы хоть раз оказались на месте одной из нас, – прошипела я, имея в виду жен Ронана, – то вы бы никогда

не произнесли ничего подобного.

– Я понимаю вашу реакцию, – невозмутимо ответил старик. – Но подумайте о другом. На вашем месте я не могу оказаться никак, а вот другую девушку… – Он сделал многозначительную паузу. – Сегодня уже привезли во дворец. Подумайте о том, что уже через несколько дней она может заменить вас.

– Тогда мне остается только посоветовать ей молиться, – не меняя шипящего тона, ответила я.

А у самой сердце почти перестало биться.

Не хочу умирать.

Не хочу – и точка.

* * *

Все дни, что я беспомощно лежала на кровати, книга, переданная Хэдоком, так и оставалась спрятанной под подушкой. Мне было спокойно, что я прикрывала ее собственным телом, и тем самым охраняла свою маленькую тайну.

Спокойно до момента, пока утром следующего дня Лода после очередных утренних гигиенических процедур не пересадила меня в кресло, а сама не принялась перетряхивать кровать, чтобы сменить постельное.

Я не сразу сообразила, что она хочет сделать, а когда медсестра подняла подушку, было уже слишком поздно.

Книга просто упала на пол, открывшись на середине.

Еще большую глупость я совершила, когда испугалась. Нужно было сделать вид, что ничего страшного не произошло, но я, словно ребенок, безрассудно попыталась самостоятельно встать с кресла, чтобы забрать книгу, и тут же рухнула, не рассчитав сил.

Лода не была глупой, она быстро смекнула, что этого предмета в комнате быть не должно.

– Только не говори никому. Умоляю, – взмолилась я, глядя ей в глаза. – Через несколько дней я и так умру. Не делай мою участь еще ужаснее.

Но в глазах Лоды жил страх: гнева Ронана, который может узнать, что медсестра скрыла тайну, она опасалась больше.

Проведя указательным пальцем себе по шее, она кивнула на дверь и отрицательно покачала головой, что на ее языке означало только одно: «Извини, не помогу».

Тогда я пошла на отчаянный шаг, первый, что пришел в голову.

– Расскажи об этом Дизайнеру, – прошептала я, хватаясь за полы ее одежды. – Он страшнее Ронана, но рассудит лучше.

В ее глазах мелькнуло сомнение в моей дееспособности. Еще бы. Мало кто в здравом уме попросит позвать Дизайнера Смерти для справедливого суда. Но в сложившейся ситуации лучше Хэдок. Ведь это в его интересах, чтобы Ронан не узнал, откуда у меня книга.

– Сделай, как я прошу, – продолжала унижаться я, бук-

вально ползая за женщиной на коленях.

Но Лода выбежала из спальни, при этом сжимая книгу в руках и даже не трудясь прикрыть ее, а я понимала – это полный провал.

Медсестра даже не заперла двери, они так и остались нараспашку, рождая во мне крамольные мысли сбежать. Видимо, я была совсем безумна, если решила, что сумею отсюда уйти, но и не воспользоваться отсутствием стражи не могла.

Шаги давались невыносимо тяжело, будто я шла по лезвиям, а не по ровному полу. Кое-как добравшись до двери, я замерла, прячась за косяком, едва услышала разговор в коридоре:

– Откуда это у тебя? – узнала ровный голос Дизайнера и выглянула наружу.

Он стоял у лифта, и похоже было, выходя оттуда, столкнулся с Лодой. Сама медсестра, вжимая голову в плечи, что-то невнятно мычала и явно хотела стать меньше ростом или провалиться сквозь землю.

Я поспешила спрятаться обратно в комнату, но не преуспела. Хэдок уже повернул голову в мою сторону, будто знал и чувствовал, что я здесь стою и смотрю на него.

– Ступай прочь, – донесся до меня приказ, отданный медсестре. – Если хочешь жить, никто не должен знать о книге.

Наверное, Лода кивала ему, но я этого уже не видела, торопливо пытаясь вернуться вглубь спальни, а лучше и вовсе лечь на кровать.

Когда за спиной хлопнула дверь и провернулся ключ, я была на полпути к цели. Замерла и медленно повернулась.

Дизайнер стоял, подпирая спиной дверь, и смотрел куда-то в сторону, будто избегая прямого взгляда.

– Вижу, вам стало лучше, – констатировал он. – Куда-то собрались, императрица?

– Разминала ноги, – без зазрения совести соврала я.

– Надо же, а я почему-то увидел ситуацию иначе. Настолько, что бросил все дела и поспешил сюда, пока вы не натворили глупостей.

Кое-как добравшись до кровати, я села на ее край, зарываясь ладонями в сбитое, так и не поменянное белье. Никогда бы не подумала, что такие простые ощущения подарят мне нечто сродни тактильной эйфории. Чувствительность почти полностью вернулась к рукам.

– Не понимаю, о каких глупостях речь. Если о книге, то я пыталась все исправить и уговорить Лоду отнести ее вам.

– Вы же понимаете, что я сейчас не об этом. – Так и не взглянув на меня, Хэдок отправился к окну.

Склонив голову набок, я пронаблюдала, как он уже привычно поднял лицо, уставившись на солнце, и поняла, что меня начинает бесить эта его манера общения.

Дизайнер положил книгу на подоконник, ровно туда, где я ее когда-то нашла, и продолжил свою речь:

– Я о вашей попытке побега. Вы, похоже, забыли, что я вижу вероятности исхода многих событий гораздо раньше,

чем они произойдут.

– Тогда могли бы заранее знать, что книгу обнаружат, – парировала я. – Или это очередной способ испортить мне жизнь еще больше?

– Или, наоборот, облегчить, – эхом отозвался Хэдок.

– Не верю, – отсекла я, вспоминая его же слова, сказанные в саду. – Вы сами говорили, что работаете только на себя, а значит, все сделанное вами лишь способ склонить меня к определенным действиям. Вам зачем-то было нужно, чтобы я не подписывала договор с Мандрогирами. Я это сделала, за что расплачиваюсь до сих пор. А эта книга, – я перевела взгляд на крошечный томик, – всего лишь способ сделать меня немного более благосклонной.

– Неверные выводы, моя императрица.

Я сжала пальцы в кулаки, с удовольствием отмечая, как они слушаются с каждым разом все лучше. А вот Хэдок продолжал бесить. Меня откровенно раздражало то, что он общается со мной, будто со стенкой.

– Тогда расскажите мне о верных выводах? С каких пор Дизайнер Смерти стал беспокоиться о комфорте императриц-смертниц?

– Это не имеет особого значения, – туманно ответил он.

Я с усилием поднялась с кровати и очень тихо шагнула в его направлении. Продолжать вести разговор с его спиной я не собиралась, а вот получить ответы, глядя в глаза, очень даже.

– Знаете что, – добравшись до мужчины и останавливаясь в шаге от него, произнесла я. – Хватит всех этих недосказанностей. Пора поговорить обо всем откровенно, какой смысл скрывать, если мне жить осталось несколько дней?

– Смысл скрывать есть всегда, – ответил он, и тут я не выдержала.

Положила ему руку на плечо, не боясь, что меня сейчас убьет за такую фамильярность, и попыталась развернуть Хэдока лицом к себе.

– Может, хватит уже пялиться на солнце? Неужели так сложно смотреть на меня, пока разговариваете?

На мгновение мне показалось, но каменная спина под пальцами вздрогнула, а затем мужчина медленно, но все же обернулся.

Так медленно, что я сама замерла, впитывая каждое мгновение этого тягучего движения, его пронзительно-черного взгляда, в котором не было дна, и которым Хэдок смотрел на меня так, будто желал, чтобы я утонула в бездне зрачков.

– А если мне действительно сложно смотреть на вас, моя императрица? Так сложно, что лучше выжигать глаза под солнцем, чем видеть вас.

– Я настолько ужасна? – не поняла смысла этой фразы я.

– Нет, вы прекрасны настолько, что слепите, Эсмиральда, так ярко, что это причиняет боль даже мне. – Хэдок сделал неуловимый шаг вперед, окончательно стирая расстояние между нами.

Я же, напротив, хотела отстраниться, но и без того слабые ноги не послушались. Я продолжала стоять, будто вкопанная, ощущая тепло, исходящее от мужчины, и даже его запах – свежий, будто озон после грозы. Хэдок пах дождем и электричеством.

– Тогда вы должны радоваться, что через пару дней меня не станет, – неловко пробормотала я.

– Как раз наоборот, моя императрица, – едва слышно прошептал он, склоняясь все ближе к моему лицу. – Я хочу, чтобы вы жили.

Его губы накрыли мои, и вновь то самое ощущение пляшущего по коже тока, искр по всему телу, будто каждый нерв натянут и сам не знает, чего хочет: то ли разрядки, то ли еще большего напряжения.

– Кто вы такой? Вы же не можете… не можете.

В памяти прекрасно жило знание, что Дизайнеров Смерти никогда не интересовали женщины, они ведь уже «не люди». Но этот поцелуй был глубоким настолько, что из легких выбило воздух и заменило озоном… И я задыхалась, пытаясь выбраться из этого сладкого плена.

– И что вы…что вы делаете? – произнесла будто и не я вовсе.

Мне дурманило голову, а сопротивление выходило слишком вялым.

– Спасаю вашу жизнь, – ответил мужчина, подхватывая меня на руки и направляясь к незаправленной постели.

– Что это значит? – Я задала глупый вопрос, хотя действия Хэдока давали на него однозначный ответ.

Мужчина беззастенчиво, но аккуратно снимал с меня одежду, что еще больше смущало. Хотелось прикрыться руками, спрятаться от его ладоней и взгляда. Ведь то, что сейчас происходило, было неправильным и страшным. Но это был другой страх, нежели с Ронаном.

Если с мужем я боялась грубости и каждый раз оказывалась в ситуации, где была бесправной рабыней, то сейчас боялась, что кто-нибудь войдет в спальню и застанет меня и Хэдока за… изменой.

Непроизнесенное слово громом отдалось в сознании, потому что никак иначе чужие руки на моем обнаженном теле назвать нельзя, так же как и горячие поцелуи на губах, шее, плечах.

Ронан никогда не целовал меня там, и меня начинало тошнить только от мысли, что император мог бы это делать. Но с Хэдоком все было наоборот. Он не вызывал отвращения, хотя мысли о том, что любое его следующее прикосновение может быть похожим на то, что творил со мной мой законный супруг, никуда не исчезали.

Пока я думала об этом, внизу живота все сжималось в тугой ком странного предчувствия. Меня заполнял бесконечный вакуум, непривычный и незнакомый, в то время как холод окружающего воздуха вовсю плясал по моему телу, избавленному от одежды. Я была полностью обнажена перед

мужчиной, который не был моим мужем, и терялась в сомнениях, правильно ли поступаю. Зачем позволяю ему все это с собой делать?

– Нет, не надо, это неправильно, – заметалась, пытаясь ускользнуть из рук Дизайнера, которыми он поглаживал мой живот. – Зачем? Я не понимаю зачем.

Прикосновения мужчины, будто батарейку, заряжали меня током, и я не могла этого объяснить, но стоило Хэдоку немного отнять от меня ладони, как захотелось разочарованно ныть. Вот только здравый смысл все еще имел контроль над непослушным телом, а в памяти свеж ритуал бракосочетания из Храма. Мое тело – это тело Ронана. Я принадлежу ему, и никакая измена не даст плодов, что бы ни говорил Дизайнер о моем гипотетическом спасении.

– Меня уже нельзя спасти, – произнесла я, сводя ноги вместе и не желая пускать мужчину дальше. – Что бы вы ни задумали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.